

Елена Райдос

ИГРА В РЕАЛЬНОСТЬ
ВСЕ ПО ЗАКОНУ

16+

Елена Райдос
Игра в Реальность.
Всё по закону
Серия «Игра в Реальность», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53446635
SelfPub; 2021*

Аннотация

Не было ли у вас такого чувства, что нашей жизнью кто-то управляет? Причём этот «кто-то» вовсе не имеет цели сделать нас счастливыми, а наш мир процветающим. Вроде бы никто особо нас не принуждает, но со временем мы вдруг обнаруживаем, что несвободны в своих поступках, а то и в мыслях. Для нового демиурга Земли подобная ситуация в его хозяйстве оказалась полной неожиданностью, тем более, что никаких признаков внешнего вмешательства замечено не было. Пятая книга «Всё по закону» из серии «Игра в Реальность» посвящена разгадыванию этой непростой загадки нашей жизни.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	38
Глава 3	75
Глава 4	110
Глава 5	145
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Елена Райдос

Игра в Реальность.

Всё по закону

17 день вереса, 783 год от Исхода.

Здравствуй, дорогой дневник. Вот только не надо злорадствовать, иногда обстоятельства бывают сильнее принципов. Если бы ни этот мерзкий Рыбий Глаз, наш препод по психологии, так бы вы меня и видели сейчас с этой поганой тетрадкой. Нет, вы только подумайте, какая подлость: «Вашей дочери необходим курс углублённого психоанализа, у неё весьма посредственно обстоят дела с рефлексией, бла-бла-бла». Я едва сдержалась, чтобы ни отрефлексировать по его пучеглазой физиономии. Спасибо папе, отбил меня у этого ихтиандра. Договорились, что я буду от души рефлексировать сама с собой в письменном виде. Можно было бы, конечно, забить на рекомендации психа, но он заставил меня пообещать папе, хитрый гад. Так что, здравствуй, дневник, нам теперь с тобой придётся долго терпеть друг друга.

Для начала, наверное, нужно что-то рассказать о себе. Тут всё просто: зовут меня Рэйен или просто Рэй, мне почти шестнадцать. Нет, это я заливаю, мне пятнадцать исполнилось всего три месяца назад, но выгляжу на все

шестнадцать, даже старше, если добавить чуток косметической магии. По крайней мере, проблем с проходом во взрослые клубы у меня не возникает, особенно, когда я иду с парнем. Это я к тому, что с фигурой у меня полный порядок, если не считать роста. Увы, тут у моих родителей случилась недоработка, если не сказать откровенно – облом. У меня до девятого класса даже кликуха была – Кроха. За последний год я правда немного вытянулась, Крохой звать перестали, теперь всё больше по имени. Ну ещё бы, после того, как я взяла первое место в имперском турнире по длинной руке среди подростков, народ в школе начал стремиться меня задевать, ведь использовать боевую магию вне школы пока никто не запрещал. Это я так, слегка хвастаюсь. Вообще-то, я драться не люблю, предпочитаю пользоваться обычными словами, а не заклинаниями.

Наша школа далеко не самая престижная в империи, есть и покруче, зато у неё имеются целых два преимущества. Во-первых, у нас тут почти нет гуманитарной бредятины, сплошная практическая магия. Психология не в счёт, она нужна для управления сознанием, так сказать, оппонентов. В остальном – сплошь полезные для жизни навыки. Полезные, понятное дело, в обществе, где правит бал сила, то бишь в родимой империи. Не пойми меня неправильно, дневничок, как и большинство людей, я предпочитаю открытую схватку закулисным интригам, но жить в постоянном страхе за жизнь близких – это, скажу я вам,

то ещё удовольствие. Говорят, за пределами империи существует мирная жизнь. Что ж, судить не возьмусь, всё может быть. Только ведь мир можно и насильно поддерживать вроде как для общего блага. А мне такой мир нужен?

Так вот, насчёт школы, есть ещё и во-вторых. У нас совместное обучение мальчиков и девочек прямо с первого класса. Можете не верить, знаю, таких школ почти нет, попасть в смешанную школу – это всё равно, как попасть на луну. Но это чистая правда, мне повезло, что у меня родители не ретрограды, а очень даже прогрессивные челы. Понятное дело, классы в основном состоят из парней, для школы, где главным профильным предметом является боевая магия, это не удивительно. На двадцать учеников нас, девочек, только четверо. В параллельных классах ситуация такая же. Но вы себе и представить не можете, какой это кайф, когда за тобой ухаживают сразу с десяток влюблённых малолеток. Не подумайте, что я какая-нибудь вертихвостка, я и не думаю поощрять глупые ухаживания, но самооценку это поднимает до небес. И вообще, у меня есть постоянный парень на целых четыре года меня старше.

И кому я вру? Это же мой дневник, никто читать его не будет. Нет у меня никакого парня, в смысле, мы иногда ходим вместе с Люком на вечеринки, но оба знаем, что это просто от скуки, никаких серьёзных намерений у нас нет. Чувствую, пора переходить от хвастовства к рефлексии. Так вот, мне вообще никто из окружающих парней не нра-

вится. Ну вы поняли, о чём я. И проблема не в парнях, а во мне. Мне наш псих прямо сказал, что я, видимо, была мужчиной в прошлом воплощении и до сих пор не могу смириться, что теперь у меня женское тело. Это, кстати, полная чушь. Я уже давно смирилась с этим неприятным фактом, ещё лет в пять, когда я окончательно поняла, что не мальчик, а девочка. Помнится, я тогда рыдала целую неделю, а потом плюнула на эти игры мироздания и стала жить, как хочется. А хочется мне вовсе не семью с любимым мужем и детишками, а кресло наместника.

Да, вы не ослышались, я хочу управлять империей. А что тут такого? У каждого человека может быть мечта. Я же не кричу об этом на каждом углу, так, тихо лелею свою хотелку. Ну правда, из меня бы получился очень хороший правитель, в школе я авторитет, меня даже учителя слушаются, кроме Рыбьего Глаза. Этот пока пытается строить из себя великого магистра магии, хотя я уже сейчас могу размазать его по стенке без особого труда. Я, конечно, не ур, но это пока, по мелочи материализация у меня получается совсем неплохо, а мой энергетический щит не пробьёт даже залп из лучевика. Ещё бы освоить мгновенное перемещение, и можно идти в Урицкий Университет на практическую магию. С руками оторвут.

Что-то мне подсказывает, что на первый раз рефлексии уже достаточно. Пока, дневник. Увидимся.

Глава 1

В комнате было душно, окна не просто наглухо закрыли, а вдобавок ещё и занавесили плотными шторами. Раньше Ульрих как-то не обращал внимания на то, что шторы в спальне отца имеют кроваво-красный оттенок. Или это просто невинные забавы заходящего солнца создавали такой своеобразный колорит, что казалось, будто всё залито кровью? Изнутри эти забавы отнюдь не выглядели такими уж невинными, скорее, зловещими, комната тонула в траурном багрянце, вызывая в уме весьма неаппетитные ассоциации. Однако именно эта депрессивная подсветка создавала неожиданный побочный эффект, бледное лицо умирающего, ранее сливавшееся с белым батистом подушки, сейчас выглядело вполне здоровым, казалось, что на его щеках играет весёленький румянец.

Ульрих сидел у постели отца уже почти два часа. Он старался дышать как можно реже, и всё же ядовитый запах лекарств нахально лез в ноздри, вызывая тошноту. Отец умирал тяжело, его сознание никак не желало расставаться с телом, в последние две недели он жил исключительно на обезболивающих микстурах, которые уже почти перестали помогать. Наконец этой ночью умирающий впал в кому и с тех пор больше не приходил в себя, однако он был ещё жив, и старшему сыну было предписано оставаться с отцом до са-

мого конца. Ульрих очень надеялся, что тот скончается, не приходя в сознание. Нет, он вовсе не был жестоким юношей, да и к отцу относился если не с теплотой, то уж точно с сыновним почтением, просто ему было больно смотреть, как мучается живое существо.

Следует признать, что отца Ульрих почти не знал, в смысле, как человека. Магистр Ордена всегда был окружён ореолом святости и непорочности, словно крепостной стеной, детьми в основном занимались гувернёры и учителя. У Ордена не было названия, он даже не был официальной организацией, но это никак не умаляло его могущества. Орден правил этим миром, но делал это совсем незаметно для его жителей, большинство из которых даже не подозревало о его существовании. Посвящённых было совсем немного, их изощёренные операции всегда были скрыты за завесой, казалось бы, случайных событий, необъяснимых совпадений и природных явлений. Орден никогда не пользовался грубой силой, его воздействия были точечными и, как правило, рассчитанными на далёкую перспективу.

До восемнадцати лет Ульрих ничего не знал о существовании этой тайной организации, он считал, что его отец занимается банковским делом. Они жили на широкую ногу, но не особенно роскошествовали, правда, жизнь семьи Ульриха проходила довольно уединённо, что порой доводило общительного подростка до полного отчаяния. В восемнадцать он прошёл первую ступень посвящения, и тайная деятельность

отца открылась ему во всей красе. Ульрих до сих пор не мог без содрогания вспоминать ритуал, через который его провели равнодушные и непреклонные члены братства. Это было омерзительно и, если честно, очень страшно. Помнится, отец тогда впервые обнял его и поцеловал в макушку. Возможно, это была просто попытка успокоить сына, чтобы тот не уронил достоинства своего родителя, но парень был тронут до слёз. Он многое тогда узнал странного, даже шокирующего, однако самым большим шоком для неофита стало известие, что он должен будет занять место отца после его смерти.

Больше десяти лет Ульрих оставался рядовым членом братства, занимался аналитикой, выполнял непонятные поручения, корпел в архивах и с ужасом ждал часа, когда его отец покинет этот мир. И вот этот час настал. Наследник Магистра сидел у постели умирающего, и ему казалось, что он дожидается не его, а своего конца. И дело было даже не в том, что новому главе Ордена придётся пройти через ещё одно посвящение, которое, скорее всего, будет ещё более отвратительным, чем все предыдущие, просто Ульриху было не по душе то, чем этот Орден занимался. Он, пожалуй, даже готов был согласиться, что братья трудились на благо цивилизации, но их методы очень сильно отдавали смердящим душком манипуляции, а то и откровенного надувательства.

Когда подноготная орденской деятельности перестала быть для Ульриха секретом, он натурально попал в ситуацию когнитивного диссонанса. Первой реакцией ошарашенного

юноши была попытка опровергнуть очевидное, поскольку поверить в то, что полученная информация соответствует действительности, ему было очень сложно, скорее уж, следовало предположить, что это он сам по молодости чего-то не понимает. И Ульрих начал копать глубже, пытаясь доказать самому себе, что мир вовсе не перевернулся, а по-прежнему мирно покоится на плечах мудрых и благородных орденских братьев. Процесс познания, естественно, сопровождался лавиной вопросов, которой неопит засыпал всех попадавших к нему под руку собратьев по Ордену. Поначалу его наивные вопросы полностью игнорировались членами братства, но, когда Ульрих сделался уж слишком настойчивым, отец вызвал сына к себе для разъяснительной беседы. Наверное, это был единственный раз, когда они разговаривали по душам.

– Как ты думаешь, сын,– строго спросил Магистр,– в чём заключается основная задача Ордена?

– Мы должны обеспечивать безопасность и процветание для всех жителей нашего мира,– бойко отрапортовал Ульрих.

– Насчёт безопасности и процветания я, пожалуй, соглашусь,– отец одобрительно кивнул,– вот только жители тут совершенно ни при чём.

Парень хлопал глазами, пытаясь сообразить, в чём подвох, а отец внимательно наблюдал за его не особо результативным мыслительным процессом. Наконец, утомившись созерцать это жалкое барахтанье, Магистр снизошёл до объ-

яснений.

– Наша зона ответственности – это весь мир Таласа, а не горстка населяющих его человекообразных овец, – заявил он, брезгливо поморщившись. – Среди жителей нашего мира так мало тех, кто заслуживается называться людьми, что этим количеством можно легко пренебречь.

– А жители разве не часть мира? – удивился Ульрих.

– Вот именно, – Магистр одобрительно улыбнулся, – они лишь часть, причём не самая важная. Хотя нет, всё-таки они важны, без жителей существование мира невозможно, так как это именно они питают его своей психической энергией.

– Отец, мне от твоих слов как-то не по себе, – парень инстинктивно съёжился, словно пытался принять защитную позу. – Ты сводишь роль людей просто к источнику питания.

– Они вовсе не люди, – губы Магистра скривились в насмешливой гримасе, – это просто скот, который доят.

– Кто доит?! – с ужасом воскликнул Ульрих.

– Те, кто владеет этим миром, – спокойно пояснил отец. – Очень скоро ты станешь одним из нас, пройдёшь ритуал последнего посвящения после моей смерти и сразу же обретёшь могущество, принадлежащее тебе по праву рождения.

– А жители мира знают о реальном положении вещей? – осторожно спросил любопытный юноша.

– Мальчик мой, – отец весело рассмеялся, – даже обычные овцы разбежались бы, знай они, что их в конце концов съедят, а у человекообразных овец сообразительности всё-та-

ки побольше, чем у их шерстяных собратьев. Невозможно управлять теми, кто владеет знанием на том же уровне, что и управитель. Это непреложный закон.

– Но почему ты называешь людей овцами? – Ульрих был настолько шокирован отцовскими откровениями, что краска бросилась ему в лицо.

– Потому что они ничем не лучше животных, – Магистр недоумённо пожал плечами, – у них нет свободы воли, для мироздания они – просто наша собственность.

– Мы отобрали их право управлять своей жизнью? – высказал свою догадку Ульрих.

– Свободу воли нельзя отобрать, – отец взял сына за плечи и внимательно посмотрел ему в глаза, – от неё можно только отказаться. Они сами сделали свой выбор.

– Все жители Таласа?! – ужаснулся Ульрих. – Но как и когда это произошло?

– Ты всё узнаешь после последнего посвящения, – Магистр ободряюще похлопал сына по плечу. – Одно могу тебе сказать: на Таласе пока ещё остаётся небольшое количество настоящих людей, и тебе придётся решать эту проблему.

На этом странная беседа завершилась, оставив Ульриха в состоянии, близком к истерике. Со временем ему удалось взять себя в руки, он был умным юношей и быстро сообразил, что протест для него равносителен самоубийству. Ни у отца, ни тем более у остальных членов братства рука не дрогнет, чтобы избавиться от бунтаря, будь он хоть трижды на-

следником Магистра. Это был вопрос безопасности и выживания Ордена. С тех пор Ульрих просил у Создателя только одного, чтобы тот даровал его отцу долгую жизнь. Меньше всего на свете он хотел встать во главе Ордена, который последовательно превращал жителей Таласа в бессловесное стадо. В то, что люди сами, добровольно отказались оставаться людьми, он не верил. Зная о методах работы братства, Ульрих ни на секунду не усомнился в том, что людей просто обманули, тупо развели, используя изошрённые методы, о которых простым жителям Таласа ничего не было известно.

Солнце наконец скрылось за верхушками парковых деревьев, и траурный багрянец плавно перетёк в загадочный пурпур. Входная дверь отворилась, пропуская слугу с масляной лампой. Почему-то пользоваться электричеством в покоях отца не разрешалось. Бледный отсвет скользнул по лицу умирающего, и его веки дрогнули, Магистр медленно и как бы нехотя открыл глаза. Слуга тут же подхватил склянку с обезболивающей микстурой и направился к измученному болью старику. Однако, когда он приблизился к кровати, то едва не споткнулся, наткнувшись на холодный взгляд Магистра.

– Мне нужно поговорить с сыном, – отчётливо произнёс тот.

В голосе отца совершенно не было слабости или страдания, он был точно таким, каким его привыкли слышать все окружающие, спокойным и уверенным, словно Магистр

вдруг вернул себе здоровье и помолодел. Слуга моментально ретировался за дверь, спорить с магистерскими указаниями ему даже в голову не пришло. Ульрих поднялся из кресла и подошёл к кровати.

– Наклонись поближе, – скомандовал отец. Сын удивился, ведь он и так отлично слышал слова умирающего, но подчинился беспрекословно, годы, проведённые в структуре Ордена, научили его послушанию. – Беги, – едва слышно прошептали губы Магистра прямо в ухо ошарашенному парню.

Пока тот рефлексировал, ожидая разъяснений, дверь в спальню распахнулась, и на пороге появился секретарь Магистра, мастер Барант. Не обращая внимания на застывшего у постели наследника, он быстрым шагом подошёл к умирающему. Ульрих выпрямился и уже раскрыл рот, чтобы дать отпор этому бесцеремонному вторжению, но его взгляд невольно скользнул по лицу отца, и всю его воинственность смыло как волной. Магистр был мёртв, его глаза без всякого выражения смотрели в потолок, губы были сжаты в тонкую линию, словно он всё ещё гневался на непонятливость своего сына.

– Что он тебе сказал? – надвинулся на наследника Барант, совершенно игнорируя мёртвое тело.

– Попрощался, – пробормотал Ульрих, пребывая в полной растерянности от последних слов отца.

Секретарь подозрительно сощурился, но воздержался от замечаний. Вслед за Барантом в комнату протиснулись ещё

трое ближайших помощников Магистра. Они тут же встали у кровати покойника, словно заняли своё место в почётном карауле. Однако на этом посетители не закончились, Ульрих с удивлением наблюдал, как комната постепенно заполняется охранниками. Вооружённые мужчины с хмурыми и безучастными лицами выстроились по периметру спальни и застыли словно статуи.

– У тебя ещё будет время проститься с отцом, – мягко произнёс один из помощников, с сочувствием глядя на ошарашенного наследника, – а сейчас тебе нужно подготовиться к ритуалу последнего посвящения. Тебя проводят в твою комнату.

Ульрих хотел было возразить, что он и сам знает дорогу, но не стал зря сотрясать воздух, было очевидно, что он в один момент из сына Магистра превратился в пленника. Теперь слова отца уже не казались ему такими уж странными, судя по всему, этой орденской братии было очень хорошо известно, что ждёт наследника, а ещё то, что самому наследнику эта перспектива вряд ли понравится. Охранники препроводили Ульриха в его комнату и встали на караул у дверей, так и не удосужившись пояснить, как именно он должен готовиться к ритуалу посвящения, возможно, это был просто оборот речи. Да, поздновато отец дал ему свой последний совет. Ну вот что ему стоило проявить человеколюбие на пару дней раньше, пока за его наследником никто ещё не ходил с пистолетом за поясом?

Думать о том, что его ждёт, Ульриху не хотелось. Избежать своей участи всё равно было без шансов, разве что срочно отрастить себе крылья и вылететь из фамильной усадьбы через дымоход, наподобие летучей мыши. Ульрих и раньше задавался вопросом, отчего титул Магистра должен непременно передаваться по наследству, причём именно первенцу. В архивах он не нашёл ни единого исключения из этого правила, но объяснение причин наследования титула отсутствовало, поэтому любознательный парень решил, что это просто традиция. Однако события последнего часа заставили его взглянуть на этот вопрос по-новому, орденовской братии нужен был именно он, а не просто кровный родственник покойного Магистра, и эти суровые ребята готовы были притащить его на магистерский трон даже силой. У Ульриха было два младших брата, которые в своё время тоже прошли начальные посвящения, однако с ними вопрос о наследовании титула никто даже не обсуждал, значит, дело не в кровных узах. А тогда в чём?

Когда за ним пришли, будущий Магистр всё ещё пытался строить догадки, касательно своей печальной участи и, надо сказать, совершенно безрезультатно. Под охраной, которая коряво изображала из себя почётный караул, его провели в ритуальный зал, в котором обычно проходили все торжественные мероприятия. Ульрих ожидал, что ему, как обычно, завяжут глаза и заставят проделывать различные унижительные действия, вроде поедания окровавленных внутрен-

ностей животных или купания в крови, однако на этот раз обошлось без издевательств. Сквозь строй одетых в чёрные балахоны членов братства охрана провела его в дальний конец зала, где прямо на стене была нарисована красочная картина, изображавшая Талас с высоты птичьего полёта. Пока Ульрих с недоумением рассматривал это творение неизвестного художника, сзади к нему подошёл мастер Барант и ещё восемь братьев из высших чинов. Некоторое время они молча стояли перед полотном.

– Приложи правую ладонь к звезде, – подсказал секретарь.

Ульрих не сразу понял, о чём идёт речь, никаких звёзд на картине не было, там вообще не было видно неба, однако, приглядевшись, он заметил, что очертания материков складываются в девятиконечную звезду. В самом центре была изображена башня с остроконечной крышей и шпилем на верхушке, очень похожая на ту, что венчала ритуальный зал. Ульрих приложил ладонь к башне и чуть не упал, так как стена внезапно растаяла вместе с картиной. В сопровождении высокопоставленных чинов он прошёл внутрь небольшой комнаты. Стена за ними тут же снова материализовалась прямо из воздуха. Это было очень странное круглое помещение, пустое и безликое, серые стены, серый пол и потолок, ни единого окна, никакого освещения. И всё же внутри не было совсем уж темно, равномерный тусклый свет шёл от пола.

– Встань в середину круга, – скомандовал секретарь, под-

талкивая Ульриха в спину.

Заинтригованный наследник прошёл в середину и огляделся. Девять его сопровождающих тоже не теряли времени даром, они образовали круг, расположившись на равных расстояниях у стены по периметру круглой комнаты. Где-то с минуту ничего не происходило, а потом пол начал слегка вибрировать, свечение стало значительно ярче, однако теперь оно сделалось неравномерным. Через несколько секунд уже можно было отчётливо разглядеть контур девятиконечной звезды на полу комнаты, Ульрих стоял в её центре, а девять братьев – на остриях лучей.

– Я буду задавать тебе вопросы, Ульрих, – торжественно произнёс мастер Барант, – их будет ровно сто восемь, и на каждый из вопросов ты должен будешь дать положительный ответ. Простого «да» будет вполне достаточно.

– Интересно, а что случится, если я скажу «нет», – подумал наследник не без некоторого злорадства.

Словно подслушав его мысли, секретарь глумливо ухмыльнулся и продолжал.

– Если хотя бы на один из вопросов ты ответишь отрицательно, будь то вслух или в мыслях, – он сделал акцент на последнем слове, – тогда тебя ждёт мучительная смерть. Лучи звезды разойдутся, и ты провалишься в ад.

Неизвестно, что подразумевал секретарь под словом «ад», но нужного эффекта он явно добился. Ульриха мгновенно бросило в холодный пот, накрывшая его волна паники заста-

вила сердце понестись вскачь, словно он бежал наперегонки со смертью. Впрочем, возможно, так оно и было.

– Так что очисти свои мысли от всего постороннего, – продолжал мастер Барант, – и отвечай правильно. Ты меня понял?

Ульрих обречённо кивнул. Вообще-то, он и не собирался бунтовать, понимал, чем это для него закончится. Умирать молодому парню совершенно не хотелось, хотя изредка ему всё же приходили на ум крамольные мысли не столько о побеге, сколько о предпочтительности смерти той участи, которую ему уготовила судьба, однако перспективу провалиться в ад Ульрих не рассматривал даже в самых своих депрессивных фантазиях, к такому он явно не был готов. Поэтому, сделав несколько ритмичных вдохов и выдохов, будущий Магистр прогнал из головы все мысли и сосредоточился на предстоящем ему испытании.

И начались вопросы. Поначалу они были совсем простые, вроде того, любит ли он мир, в котором живёт, готов ли он трудиться для его процветания. Постепенно формулировки стали усложняться, за переплетениями хитроумных фраз всё сложнее стало улавливать суть вопроса. Ульрих старался, как мог, разобраться, чего от него хотят, но вскоре происходящее начало утрачивать для него всякий смысл, и он принялся тупо отвечать «да», уже не пытаясь разобраться, о чём его спрашивают. Не исключено, что именно в этом и заключалась цель ритуала, но, начиная с какого-то момента, испы-

туемому стало всё равно. Тихое размеренное чтение текста словно бы погрузило его ум в транс, он почувствовал, что теряет связь с реальностью, но это уже не пугало, а, напротив, показалось удивительно приятным. Покой и безмятежность опутали ум Ульриха мягкой паутиной, изгоняя тревоги и переживания последних дней.

Из транса его выбросила внезапно наступившая тишина. Участники ритуала куда-то исчезли, девятиконечная звезда погасла, поверхность пола снова равномерно испускала матовое свечение. Ульрих недоумённо огляделся, он совершенно не понимал, что должен теперь делать. Может быть, ритуал не сработал? Но тогда он уже был бы мёртв или как минимум умирал мучительной смертью. Значит, всё прошло по плану. Похоже, он уже может покинуть серую комнату. Ульрих сделал шаг из центра и только тут понял, что не знает, где находится выход. Комната была круглая, стена гладкая и ровная, никаких знаков, обозначающих дверь, на ней не было. Что это? Ещё один квест? Может быть, ритуал ещё продолжается? Ульрих сделал пару неуверенных шагов к стене и остановился как вкопанный, но вовсе не потому, что что-то увидел, просто он вдруг утратил контроль над своим телом.

– Здравствуй, Ульрих,– услышал он мягкий и слегка насмешливый голос. Новоиспечённому Магистру потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что голос звучит в его голове. – Не волнуйся,– между тем продолжал внутренний голос,– мы ведь с тобой старые знакомые, хотя ты меня

и не помнишь, но я очень рад снова с тобой встретиться и помогу восстановить твою память. Это будет немного болезненно, но неприятные ощущения очень быстро пройдут. Ты готов, мой старый друг?

– Кто ты?! – Ульрих не смог скрыть паники, голос его явно дрожал. – Убирайся из моей головы!

– Ну-ну, не стоит так нервничать, – внутренний голос ехидно захихикал. – Ты же меня сам впустил, даже можно сказать, призвал. И вот я тут, мы снова вместе. Кстати, тебе не обязательно говорить со мной вслух, я отлично слышу твои мысли.

– Я тебя не призывал! – в отчаянии воскликнул Ульрих, уже понимая, что угодил в западню. Так вот зачем нужны были эти странные и непонятные вопросы, это усыпляющее размеренное чтение бессмысленного текста. Чтобы окончательно его запутать и заставить соглашаться со всем, что ему предложат, не разбираясь в сути предложения, соглашаться даже не столько под страхом мучительной смерти, сколько от неспособности распознать манипуляцию его сознанием. А ведь он знал об этих методах куда больше обычных обывателей и всё же попался. – Я могу отказаться от своих слов, – угрюмо заявил он, – у меня есть право управлять своей жизнью и своим телом. Ты просто захватчик, и тебе это не сойдёт с рук.

– Какой же ты милашка, – рассмеялся внутренний голос. – Неужели ты всерьёз полагаешь, что ритуал, которому уже

многие сотни лет, оставил тебе хотя бы лазейку для отступления? Нужно очень внимательно относиться к своим словам, Ули. Впрочем, альтернатива была бы ещё хуже.

– Почему я?! – больше всего Ульриху сейчас хотелось забиться куда-нибудь в тёмный угол и отключиться, перестать думать и чувствовать, лучше бы даже совсем умереть.

– Я к тебе уже привык, дружок, – с готовностью пояснил внутренний голос, – мы ведь вместе уже много твоих жизней. Ну всё, хватит биться в истерике, пора тебе кое-что вспомнить.

Свет словно бы мигнул, и сознание Ульриха внезапно погрузилось в водоворот чужих образов, мыслей и переживаний. Нет, уже не чужих. Своих. Мощный поток подхватил его, лишая возможности и даже желания сопротивляться, а потом наступила темнота. Через несколько минут он очнулся на полу, мокрый от холодного пота, покрывавшего всё его тело. Ему уже не было страшно, так как вся его дальнейшая жизнь перестала быть тайной для нового Магистра. У него уже было множество таких жизней, похожих одна на другую, как близнецы.

– Привет, Радвила, – поздоровался он с подселенцем. – Не стоит больше блокировать мой доступ к телу, ты же знаешь, как я этого не люблю.

Ульрих повернулся и уверенно двинулся к стене ритуального зала. Там за красочным полотном с изображением Таласа его ждали соратники.

Большой плоский камень нависал над бездонной пропастью, словно трамплин для прыжков в воду. Зима уже была на исходе, и днём, когда солнышко начинало пригревать по-весеннему, с камня начинали стекать весёлые ручейки от подтаявшего снега. Они обрушивались вниз со стометровой высоты прямо в быстрый, никогда не замерзающий поток на дне ущелья, разнося по долине звон капли и журчание водных струй. Ближе к ночи ручейки замерзли, превращая гладкую поверхность камня в настоящий каток. В целом, место было небезопасное и не слишком пригодное для прогулок. Тем удивительнее было видеть, как ранним утром на плоском камне двое подростков лет по пятнадцать фехтуют длинными посохами, буквально скользя над бездной. Ещё более удивительным был тот факт, что проделывали они это под руководством взрослого и, судя по всему, опытного тренера. Вертер стоял в пяти шагах от импровизированной тренировочной площадки и с беспечным видом давал советы и указания двум юным бойцам.

– Вер, а это не слишком рискованно? – раздался за его спиной тихий голос, в котором можно было без труда уловить нотки тревоги.

– Тоха, вот ты сейчас совсем не вовремя, – не оборачиваясь бросил мастер. – Ты меня не отвлекай, а то действительно кто-нибудь из пацанов сорвётся. Мы скоро закончим, тогда и обсудим мою методику обучения.

Словно в ответ на эту отповедь, один из пареньков, пропустив подсечку, грохнулся на спину и по инерции заскользил к пропасти. Антон вскрикнул и резко обернулся к Вертеру, однако мастера на прежнем месте уже не оказалось, он стоял на самом краю обрыва, преграждая путь скользящему по льду телу неудачливого бойца. Впрочем, спасательные мероприятия не понадобились, парень затормозил буквально в полуметре от своего наставника. Он уже собрался было вскочить на ноги, но тут подоспел его противник, который и не подумал прекратить поединок, и занёс шест для добивающего удара, от которого у поверженного бойца уже не было шансов увернуться.

– Стоп! – спокойно скомандовал Вертер, даже не повышая голоса.

Наконечник шеста замер в трёх дюймах от груди лежащего парня. Разгорячённый схваткой победитель остановился как вкопанный. Уже через секунду он улыбнулся и протянул руку товарищу, от прежней агрессивности не осталось и следа. Глядя на столь резкий переход от враждебности к дружелюбию, Антон удивлённо покачал головой. Венны не переставали его удивлять, хотя, казалось бы, он знал их как облупленных, сам же и создавал. Впрочем, эти венны всё-таки отличались от тех, что когда-то жили на Земле, небольшая добавка женских энергий явно пошла им на пользу.

Вертер сделал своим ученикам заключительные замечания и отпустил домой. Парни накинули куртки и не спеша

побрели в посёлок, на ходу обсуждая какие-то детали поединка.

– Ну всё, теперь я готов для конструктивной критики, – улыбнулся Защитник, обнимая друга за плечи.

– Извини, что влез со своими замечаниями не вовремя, – смутился Антон. – И всё-таки, так ли уж необходим этот экстрим?

– Тоха, поверь мне, в настоящем бою бывает гораздо хуже, – Вертер весело рассмеялся. – Парни должны научиться действовать хладнокровно и расчётливо в любой, даже самой критичной обстановке.

– А они очень смелые мальчишки, – Антон самодовольно заулыбался. – Полагаешь, венны годятся на роль защитников?

– Ещё как годятся, – подтвердил Вертер, – мне с ними вообще очень легко. А что касается смелости, то должен тебе честно сказать, Создатель, с дозой бесстрашия у своих творений ты явно переборщил, что у ангелов, что у веннов. Их смелость порой как-то очень сильно напоминает безрассудство. Помнишь, как мы с тобой целых пять лет вытаскивали твоих первых ангелочков из всевозможных передраг, в которые их заносило от полнейшего игнорирования опасности?

– Странно, я вовсе не делал их бесстрашными специально, – смутился Антон.

– Так ведь тут против природы не попрёшь, – Вертер снова расхохотался. – При всём твоём миролюбию, ты такой же

безбашенный, как все твои творения. Как говорится, по образу и подобию.

– Кто бы говорил насчёт безбашенности,– фыркнул Создатель,– на себя посмотри.

– Мне можно,– самоуверенно заявил Защитник,– у меня работа такая.

При упоминании о работе Вертера Антон вдруг сразу утратил всю свою весёлость. Он повернулся лицом к другу и посмотрел ему в глаза.

– Вер, а ты не задумывался о том, чтобы найти себе другую работу? – вкрадчиво спросил он.

– А ты? – насмешливо бросил Вертер.

Антон замаялся, ему явно было неловко продолжать этот разговор, но и откладывать его тоже не хотелось, в конце концов, друг имеет право знать о последствиях.

– Моя работа не связана с убийствами,– твёрдо заявил он. – Нет, я не осуждаю,– тут же одёрнул он сам себя,– без тебя мои миры оказались бы совсем беззащитны, просто это для тебя плохо кончится, дружище.

– Тоха, ну к чему эти недомолвки,– Вертер недовольно поджал губы. – Ты видишь, что меня скоро убьют?

– Нет, не вижу,– поспешил заверить друга Антон,– но это всё равно когда-нибудь случится. Вер, ты ведь Защитник, и тебе приходится время от времени отнимать жизни агрессоров, чтобы защитить жителей подопечных миров. К сожалению, твои благородные мотивы никак не отменяют само-

го факта убийства. Ты же не бесчувственная машина, чтобы при этом совсем не испытывать никаких эмоций, а значит, каждый раз, отнимая жизнь, ты оставляешь кармический отпечаток.

– Тоха, ты правда думаешь, что я этого не понимаю? – Вертер снисходительно улыбнулся. – Если я отнимаю жизни, то неизбежно кто-то заберёт мою. Я с этим живу и не жалуясь, такова уж специфика моего жизненного пути. Кстати, у Создателей тоже без риска не обходится, сам знаешь.

– А Лика понимает, что в однажды ты можешь не вернуться? – мрачно спросил Антон.

– Она знала это с самого начала, – Вертер тоже перестал улыбаться, – ещё когда сама пришла ко мне в ангельском мире. Поверь, дружище, это был её сознательный выбор. Конечно, я не могу не замечать, как ей страшно каждый раз оставаться и ждать моего возвращения, но моя девочка как-то научилась с этим жить. Знаешь, если ей станет совсем невмоготу, я не стану её удерживать. Быть женщиной воина – то ещё удовольствие.

– Наверное, нам с Лисой стоит почаще навещать на Райдо, – задумчиво произнёс Антон. – Лика ведь не может покинуть мой мир, она его семья жизни.

– Было бы здорово, – обрадовался Вертер, – я тут замотался с обучением венских пацанов, а она там совсем одна. Волк не в счёт, Лика с ним говорить не умеет, Волк почему-то только со мной может отчётливо обмениваться мыс-

лями. Нет, он-то Лику слышит, а вот она его нет.

– Это естественно,– Антон кивнул, соглашаясь,– я создавал Волка как твоего персонального напарника и защитника.

– Да, это был крутой подарок,– Вертер одобрительно хлопнул друга по плечу,– я без моего серого уже и не мыслю себе существования.

– И где же твоя тень сейчас попадает? – ехидно поинтересовался Антон.

– Охотится где-то в лесу,– Вертер махнул рукой в сторону густого кедрового бора, покрывавшего окружавшие посёлки сопки. – Он от этого места просто тащится. Как только словит мысль, что я сюда собираюсь, так начинает скулить и вертеться, что твой щенок, вроде как подгоняет.

– Вижу, сам ты от мира веннов особого удовольствия не испытываешь,– Антон вопросительно поднял одну бровь,– предпочитаешь места потеплее.

– Климат тут совсем ни при чём,– смутился Защитник,– просто воспоминания этот мир навевает не слишком приятные. Вот зачем ты, к примеру, воспроизвёл здесь это место с плоским камнем? Это же было место казни в посёлке твоего отца, тебя и самого должны были там казнить. К чему беречь старые раны?

– Это только для тебя воспоминания об этом месте болезненные,– Антон невольно оглянулся на нависающий над пропастью камень,– потому что на таком же камне ты убил себя в том воплощении. А для меня всё наоборот, я тогда по-

настоящему прочувствовал, что значит преданность и любовь близких людей. Меня ведь так и не казнили только благодаря Сабину с Анарой.

– Они тебя выкрали с места казни? – заинтересовался Защитник.

– Нет, Вер, от отца невозможно было сбежать, – Антон грустно улыбнулся. – Они решились умереть вместе со мной, причём не сговаривались, каждый принял это решение сам. Я часто прихожу сюда и вспоминаю, как мы втроём стояли у края пропасти, взявшись за руки, и нам совсем не было страшно умирать, потому что мы были вместе.

– Да, теперь я понимаю, почему ты всегда так доверял брату, – покачал головой Вертер, – даже вопреки фактам и здравому смыслу. Всё не мог поверить, что он стал совсем другим человеком.

– Знаешь, я так рад, что снова могу на него положиться, – Антон мечтательно прикрыл веки, – как тогда. Да, я ему верю без каких-либо оговорок больше, чем самому себе.

Вертер скептически хмыкнул, сам он начал относиться к Сабину без опаски и предубеждения только после того, как тот поучаствовал в спасении мира Земли от одинокого веннского мстителя и сделался Демиургом. И то о безоговорочном доверии речи пока не шло.

– Кстати, а как обстоят дела с подготовкой Демиургов для Райдо и веннского мира? – поинтересовался он.

– Пока не очень, – Антон тяжело вздохнул. – Макс оказался

совсем неподготовленным к роли Демиурга. Он очень старается, но я не уверен, что в ближайшие годы парень сможет приступить к своим обязанностям.

– А тот венн, которому вы с Сабином подогнали Кору? – Вертер хитро улыбнулся.

– Зандер мне представляется просто идеальной кандидатурой, – Антон смущённо улыбнулся, – но я не думаю, что мне следует соблазнять его этим заманчивым предложением.

– Так ты с ним ещё не поговорил? – удивился Защитник. – Чего ты тянешь, Тоха? Разве тебе самому не в лом тащить сразу два мира?

– Я как-то привык, – Антон пожал плечами. – Это же не Земля, оба мира ещё совсем маленькие.

– Ты не юли, – одёрнул друга Вертер. – Что с этим венном не так?

– В том-то и дело, что всё так, – вздохнул Создатель. – Зандер впервые за десятки последних воплощений наконец может позволить себе жить полной жизнью. Он счастлив, Вер, у них с Корой полная идиллия. И тут заявлюсь я со своим предложением сделать его Демиургом, а заодно энергетически независимым от его женщины. Я очень боюсь разрушить их жизни. И его, и её.

– Эх, Тоха, – Вертер хлопнул друга по плечу, – я ведь тебе уже говорил, что твоя щепетильность тебя когда-нибудь погубит. Хочешь, я с ним поговорю, раз тебе неловко.

– Нет, Вер, дело не в этом, – возразил Антон. – Я почти

не сомневаюсь, что Зандер согласится, это же мир, в котором живут его сородичи. Для него моё предложение станет ещё одним подарком судьбы. Но знаешь, в нашей жизни даже за подарки приходится платить, причём сразу и не разберёшь, стоит ли твоё новое приобретение той цены, которую тебе выставит Игра в Реальность. Боюсь, платой за карьерный рост Зандера может стать жизнь Кору.

5 день рюеня, 784 год от Исхода

Привет, дневничок, давно не виделась. Извини, старина, недосуг мне было рефлексировать по рецепту нашего психа. Зато я тебе сейчас такое расскажу! Закачаешься! Представляешь, у меня, оказывается, есть персональный ангел-хранитель. Нет-нет, не нужно стебаться, я говорю во-все не о бестелесных духах. Мой хранитель, если честно, даже на ангела не особо похож, скорее уж, на демона или чёрного мага.

Ладно, всё по порядку. Два дня назад мы праздновали моё шестнадцатилетие. Ура, это наконец свершилось. Я теперь совершеннолетняя и могу делать всё, что захочу, даже уйти из дома. Не то чтобы я так уж стремилась к самостоятельной жизни, меня, вообще-то, дома всё устраивает, но сам факт того, что я могу это сделать, греет душу. Так вот, мы накрывали стол во дворе дома, и тут я вижу, что под ореховым деревом стоит этот мужик. Представительный такой, явно качается и вообще заботится о своей физической форме. В лице какая-то чертовщинка, вроде бы он

всё время эдак снисходительно ухмыляется. Но большие всего меня поразили его глаза. Они были синие, представляешь, дневничок? Нет, не как у меня серо-голубые, а ярко-синие, словно сапфиры. Я даже поначалу подумала, что это какая-то магическая приблуда, но нет, ни капли магии, всё натурально.

Мужик заметил, что я его разглядываю, и поманил к себе. Ты же знаешь, дневничок, как я отношусь к чужим brutальным дядькам. Сначала вырубить, а потом можно и поговорить. Но тут пошла к синеглазому словно бычок на верёвочке. Он заулыбался, поздравляю, мол, тебя, Рэйен, с совершеннолетием. У меня, говорит, для тебя подарок, и протягивает мне на ладони голубой кристалл, размерами с миндальный орешек. Я как сомнамбула беру эту побрякушку, словно меня никогда не учили, что у чужих дяденек ничего брать нельзя, мало ли, какая зловредная магия там может прятаться. А в этом кристаллике точно была магия. Как только я к нему прикоснулась, он начал светиться, сначала тускло, а потом вообще, как свечка.

– Зажми кристалл в кулаке, – командует синеглазый, а сам улыбается так ласково, словно мы старые знакомые.

Почему-то и на этот раз у меня не возникло даже мысли о возможной ловушке. Послушно зажимаю кристалл в кулаке и чувствую, как он начинает нагреваться. Тут во мне всё-таки проснулся инстинкт самосохранения, и я чуть было не швырнула этот странный подарочек на землю. Но си-

неглазый вовремя перехватил мою руку и не позволил от него избавиться.

– Тебе ведь не больно, – спрашивает, – не жжётся? Вроде бы не должен, я немного изменил алгоритм. – Смотрю я на него и понять не могу, что за лапшу этот тип мне на уши навешивает, но сопротивляться не могу, хоть режь. – Как только перестанешь чувствовать тепло, – говорит синеглазый, – можешь разжать кулак.

И действительно, через минуту я вообще перестала чувствовать кристалл. Разжимаю кулак, а в руке ничего нет. Наверное, у меня был очень обескураженный вид, потому что синеглазый так и покатился со смеху, словно ему анекдот рассказали. А потом отвёл меня в сторонку и рассказал такое, что я до сих пор прийти в себя не могу. Оказывается, я – семя жизни этого мира. Можешь себе представить, дневничок, какая у тебя важная хозяйка? Я – первое сознание нашей Реальности, а этот синеглазый, его, кстати, Сабиню зовут, является моим хранителем. Голубой кристалл, собственно, и указал на меня, а потом залез мне в ладонь и растворился во мне до того времени, когда его нужно будет передать новому хранителю. Тогда он сам снова вылезет наружу. Сабин в открытую этого не сказал, но я так поняла, что это случится незадолго до моей смерти. Хорошенькое предзнаменование, ничего не скажешь.

Но самое интересное было дальше. Мой хранитель, как выяснилось, знал меня в прошлой жизни, когда я передала

ему кристалл на хранение. Это случилось за три года до моей смерти. Меня тогда звали Эйвис, и была я из правящего клана Саттори. Этого клана уже нет, я вроде была последней и не успела завести детей, поскольку умерла, не дожив даже до двадцати лет. Сабин рассказал мне про то, как за мной охотился какой-то пришелец, который задумал уничтожить наш мир. И ему это почти удалось, но меня всё-таки спасли от смерти, и мир уцелел, правда, это стоило жизни очень многим хорошим людям. Я, понятное дело, этих людей не помню, а жаль. Вот интересно, они меня спасали, потому что защищали наш мир, или я им была дорога сама по себе? Не представляю, за кого бы я могла отдать свою жизнь, нет у меня никого на примете, кроме родителей, конечно, а в прошлой жизни, похоже, такие люди были.

А ещё Сабин посетовал, что я очень долго не воплощалась после прошлой смерти. Он считает, это потому что я тогда потеряла всех близких мне людей, и жить мне было не для кого. Вот, кстати, и объяснение тому, почему я не стремлюсь сблизиться с людьми. Наверное, я просто боюсь их потерять, как потеряла всех в прошлой жизни. Что ж, в этом есть определённая логика. Чем меньше ты имеешь, тем ты свободней, потому что тебе не нужно беспокоиться о своей собственности, тратить время на её обслуживание и охрану, переживать за её сохранность. А ещё я заметила такую смешную закономерность: чем больше люди имеют, тем больше у них разыгрывается аппетит,

и они постоянно стремятся эту свою собственность преумножить, но всё равно её оказывается мало. В общем, душевного равновесия обладание ценностями не приносит.

Вот только один вопрос: а применимы ли эти заумные рассуждения к отношениям между людьми? Если ты кого-то любишь, это тебя закабальет или, наоборот, освобождает? Готовность умереть за любимого человека – это ведь не может быть от жадности. Разве не так? Похоже, моё стремление к независимости – это вовсе не от желания быть свободной, а от страха снова испытать боль потери близкого человека, из-за мутного, липкого страха поранить свою чувствительную душонку. Фу, самой мерзко стало. Я ведь не из трусливых, приходилось в одиночку выходить против троих здоровых мужиков, был у меня такой опыт год назад. Так почему же боль, пришедшая из прошлого воплощения, делает из меня дрожащую барышню? А я отвечу. Это потому, что я о тех трагических событиях ничего не знала. Страх коварно пролез в моё подсознание и исподтишка управляет моими поступками буквально на инстинктивном уровне.

Крутая получилась рефлексия, Рыбий Глаз должен просто сдохнуть от зависти. Наверное, стоит сказать спасибо моему ангелу-хранителю за то, что открыл мне глаза. Разумеется, вот так, сразу я не изменюсь, страх ведь никуда не делся от того, что я узнала о его причине, свил себе уютное гнёздышко в моём сознании и исподтишка управ-

ляет моими мыслями и действиями. Зато теперь я знаю, что у меня есть проблема, а это уже начало выздоровления. Ведь пока мы считаем, что всё в порядке, то и смысла дёргаться не видим, а вот когда болезнь обнаружена, то шансы на её излечение резко возрастают.

Ура! Я не безнадежна. Вот теперь как влюблюсь в кого-нибудь. Эх, жаль, Сабин для меня староват, он бы вполне подошёл на роль моей любви до гроба, одни только синие глаза чего стоят. Но, увы, придётся присмотреть себе кого-то помоложе. Может быть, всё-таки замутить любовь с Люком? А что, он славный парень и маг неплохой, возможно, со временем выбьется в уры. Надо будет обдумать этот вариант, а на сегодня пора заканчивать. Оказывается, ты не совсем бесполезная безделушка, дневничок, и от тебя может быть польза.

Глава 2

Три обезглавленных тела смотрелись на живописной лесной полянке как-то неуместно, да и в целом сцена недавнего сражения выглядела неестественно до безвкусицы. Лепестки ромашек, забрызганные кровью, чёрные обугленные проплешины среди изумрудной зелени, и яркое солнышко, игриво пускающее зайчиков, отражаясь от разбросанного в траве оружия.

– Сюр какой-то, – сквозь зубы пробормотал Вертер, удивлённо озираясь по сторонам.

По просьбе Сабина Защитник выслеживал эту троицу в своей родной Реальности Земли всю последнюю неделю. Парни неплохо умели маскироваться, да и в манёвренности едва ли уступали преследователю. Они быстро обнаружили, что им сели на хвост, но то ли у них не хватило ума, чтобы вовремя ретироваться в свою пятимерную Реальность, то ли, наоборот, было с избытком самонадеянности и нахальства, чтобы, несмотря на погоню, продолжать рыскать по окрестностям, наводя ужас на местное население. Рано или поздно этому наглому рейду должен был прийти конец, причём вполне закономерный и предсказуемый, удивление вызывало лишь то, что ликвидация шайки вовсе не была заслугой Защитника.

– Зачем ты так грубо, Вер? – раздался недовольный го-

лос Сабина за его спиной. – На Райдо ты трупов не оставляешь, выясняешь отношения с нарушителями в пятимерной Реальности. Что это за дискриминация моего мира?

– Ты будешь смеяться, Санни, – Вертер недоумённо обернулся, – но это не я.

– Хочешь сказать, что у нас тут завёлся кто-то, помимо тебя, способный снести головы трём вооружённым лучевиками головорезам? – скептически скривился Демиург.

– Что я врать тебе буду? – огрызнулся Вертер. – Похоже, у меня появился помощник.

– Или конкурент, – Сабин небрежно кивнул на вооружённого мужчину, который стоял у самой кромки леса и с интересом наблюдал сцену разборок между Демиургом и Защитником.

Поняв, что его заметили, мужчина не спеша пошёл к живописной группе на полянке. Выглядел он весьма импозантно, лет тридцати, высокий, хорошо сложенный, с красивым мужественным лицом. Чёрные глаза смотрели из-под густых бровей с явным превосходством и как бы даже снисходительно. Объяснение его неуместной, с точки зрения Защитника, снисходительности обнаружилось очень скоро, вслед за чернооким красавцем на поляну из-за деревьев начали просачиваться другие зрители, а может быть, и участники предстоявшего спектакля. Буквально через минуту этих участников уже набралось человек двадцать, все они были довольно крепкими парнями и к тому же вооружёнными до зубов.

Пока массовка собиралась, их, судя по манерам, главарь вальяжной походкой приблизился к Вертеру с Сабиним.

– Ваши знакомые? – любопытствовал он, небрежно кивая на трупы.

При этом черноглазый старательно изобразил на своём лице умильную гримасу, которая, по всей видимости, должна была означать сочувствие, однако его правая рука уверенно легла на рукоять лучевика. Его банда, уже не скрывая своих намерений, изготовилась к очередной расправе или к зрелищу, как получится. Однако ни на Вертера, ни на Сабина эта демонстративная агрессия не произвела ни малейшего впечатления.

– Ага, целую неделю их выслеживал, – радостно заявил Защитник с таким видом, словно только что получил желанный подарок. – Это твоя работа?

– Не стану отрицать очевидного, – уже более миролюбиво согласился убийца. – Мы коллеги?

– Похоже на то, – Вертер добродушно ухмыльнулся. – Ты ведь знаешь, кто они?

– Мишень, – небрежно бросил черноглазый. – У тебя другая информация?

– Так ты наёмник, – грубо встрял в разговор Сабин, скривившись в презрительной ухмылке. – А можно узнать, кто твои наниматели?

– По-моему, тебе сейчас следует не задавать вопросы, а отвечать, – огрызнулся черноглазый, делая выразительный

жест в сторону своей ватаги, только и ждавшей команды, чтобы броситься на наглецов, посмевших проявить неуважение к их главарю.

– А что ты хочешь знать? – Вертер счёл необходимым переключить внимание на себя. – Спрашивай, нам нечего скрывать.

Ему вовсе не улыбалось устроить здесь ещё одно побоище, тем более с потенциальными союзниками, а вот Сабин отчего-то вёл себя откровенно вызывающе, он стоял в расслабленной позе и с насмешливой ухмылочкой рассматривал командира ватаги, словно тот был какой-то зверушкой в зоопарке. Вертеру было совершенно непонятно, что за муха укусила Демиурга, чтобы тот ни с того, ни с сего принялся провоцировать незнакомого человека на ответную агрессию, он повернулся к насмешнику, чтобы его урезонить, и естественно оказался к черноглазому боком. Ватажник, который явно уже собирался переходить от разговоров к действиям, вдруг застыл с открытым ртом и выпученными глазами. Вертер проследил за его взглядом и обнаружил, что тот буквально приклеился к его мечу, покоившемуся в ножнах за спиной.

– Нравится? – дружелюбно спросил он черноглазого.

Тот с трудом оторвал глаза от крестообразной рукоятки меча и перевёл взгляд на его хозяина.

– Мне вдруг показалось, что я уже видел этот меч раньше, – смутился ватажник.

– Это вряд ли, – усмехнулся Вертер. – Так ты охотился за этими типами по заказу?

– А ты за идею? – в голосе ватажника промелькнула скрытая злость.

У Вертера вдруг возникло уверенное ощущение, что парню было откровенно не по нраву называться наёмником. Возможно, им движет нечто иное, нежели нажива, а они с Сабиним тут на него наезжают не по делу. Ситуацию следовало срочно исправлять.

– Можешь мне не верить, – Защитник очень постарался, чтобы его голос звучал убедительно, – но моя цель – уберечь этот мир от таких вот хищников. Это трёхмерные проекции пятимерных ублюдков из иного мира. К сожалению, они вернутся, уничтожить пятимерное существо в трёхмерном мире невозможно.

– А ты кто такой? – ватажник резко повернулся к Сабину. – Ты тоже защищаешь миры от хищников?

– Угадал, – Демиург насмешливо подмигнул распалившемуся атаману. – Нам пора, – неожиданно объявил он, обращаясь к Вертеру, и демонстративно отвернулся.

Рука оскорблённого ватажника инстинктивно потянулась к оружию, и Вертер понял, что драки всё же избежать не удастся. Он быстро огляделся, оценивая обстановку, но в этот момент ладонь Сабина легла ему на плечо, и мир раскололся. В следующую секунду они уже оказались на совсем другой лужайке, окружённой величественными дубами. Вер-

тер легко узнал антураж эльфийского леса, первого мира Сабина, который тот так и не решился бросить на произвол судьбы, даже став Демиургом, хотя вроде бы теперь владел всем миром Земли.

– Какого чёрта ты творишь, Санни? – возмутился Защитник. – Эти парни могли бы стать моей командой на Земле, нужно было только потолковать с ними по-человечески. Я же не могу разорваться на три мира, а теперь мне с этим черноглазиком уже ни за что не поладить.

– Тебе и так с ним не поладить, – Сабин снисходительно хмыкнул. – Вер, когда ты возьмёшь за правило проверять ауры тех, с кем общаешься?

Вертер мгновенно остыл. Не в первый уже раз он попадал в переделки из-за того, что пренебрегал проверкой ауры своих оппонентов. Однажды эта его небрежность уже привела к смерти Лики, да и сам он тогда выпутался только чудом. Кстати, в качестве чуда выступил тот же Сабин.

– Кто он? – нетерпеливо потребовал Вертер, – Колись, или я пойду обратно изучать его ауру.

– Мог бы и сам догадаться, кого один только вид твоего меча повергает в состояние шока, – Сабин весело подмигнул растерявшемуся Защитнику, – чай, не в первой тебе приходится сталкиваться с подобной реакцией.

– Быть того не может, – пробормотал Вертер. – Она же...

– Сначала Амар, потом Амрита, – Демиург, уже не стесняясь, расхохотался. – Интересно, его имя в этом воплоще-

нии тоже означает «бессмертный»? Или наш бравый командор уже передумал веселить судьбу своим самонадеянным зазнайством?

Новость была не из приятных, нарваться на бывшего смертельного врага означало для Защитника прямо-таки роковое невезение, тем более, что на этот раз тот, похоже, оказался его ситуативным союзником. Но с Игрой в Реальность не поспоришь, у неё все ходы прописаны заранее.

– Эх, жаль, что он снова мужиком воплотился, – Вертер с сожалением покачал головой, – Амрита была такой милашкой, особенно, в том обтягивающем комбинезончике.

– Это когда она тебя едва не прирезала? – съязвил Сабин.

– Вот ты зануда, – огрызнулся Защитник. – Сколько уже можно вспоминать о том случае? Да, я подставился, купился на Амритину разводку. Могу ещё раз повторить, если тебе это доставит удовольствие.

– Ладно, пойдём в дом, потолкуем, – миролюбиво отозвался Сабин, – эту ситуацию следует обсудить без спешки.

Через несколько минут друзья уже с комфортом устроились на балкончике одного из домов эльфийского леса, построенного в ветвях величественного дуба. Осушив бокал с прохладным вишнёвым соком, Вертер принялся рассуждать.

– Итак, наш бессмертный Амар снова в своей ипостаси командора, – с ухмылкой заметил он, – и снова у него нашёлся хозяин. Интересно, а сам по себе этот парень существовать не умеет? Хотя не похоже, что он старается за деньги, как

думаешь, Санни?

– Согласен, он откровенно оскорбился, когда я назвал его наёмником,– подтвердил Сабин.

– Но про сущность этих пришельцев он, похоже, ничего не знал,– продолжил рассуждать Защитник,– значит, его использовали втёмную. И кто же эти благодетели человечества?

– Это я выясню,– Сабин самоуверенно махнул рукой,– Демиург я или где? Меня другое сейчас занимает: как наш командор оказался в этой альтернативной Реальности?

– Так он же Мастер Игры,– Вертер исподлобья глянул на Сабина,– или я чего-то не знаю?

– Понимаешь, Вер,– Сабин смущённо отвёл глаза,– я же заблокировал способность Амриты к перемещениям, когда она попыталась тебя зарезать. А потом этот твой бывший ученик её убил, и я уже не успел снять блок.

– Ого, нехилые у нашего командора нынче хозяева, если смогли справиться с твоим блоком,– Вертер зацокал языком. – Теперь понятно, почему он им служит, видимо, ему посулили нечто гораздо более ценное, чем богатство.

– Думаешь, власть? – поинтересовался Сабин.

– Да брось,– отмахнулся Вертер,– способность управлять людьми у нашего командора в крови, власти он и сам возьмёт, сколько пожелает. А вот могущество Творца – эта морковка будет послаще мёда для некоторых ослов.

– Похоже, ты прав,– Сабин расслабленно откинулся в

кресле. – Что ж, ситуация не такая уж негативная. Какой-то Творец задумал избавить мир Земли от пришлых паразитов и нанял профессионального воина для охоты, посулив ему помощь в развитии его сознания. Наверное, тебе сто́ит с этим Творцом познакомиться и объединить усилия.

– Ага, сто́ит,– Вертер задумчиво покрутил в пальцах пустой стакан,– а может быть, и нет. Отчего-то мне не хочется брать в помощники командора.

– Так ведь он ничего не помнит,– пожал плечами Сабин,– а боец из него просто супер, сможешь оставить его здесь, вместо себя.

– А если вспомнит? – Вертер в упор поглядел на Демиурга. – Тогда он начнёт охотиться уже за моей головой, а может быть, и за твоей тоже, но главным объектом охоты станет мой меч.

– Да, имея в хозяевах Творца, вернуть себе память о прошлых воплощениях – не проблема,– согласился Сабин. – Ладно, я выясню, кто нанял нашего командора и чем расплачивается за его услуги, а ты пока держись от него подальше.

– Вообще-то, меня не так-то просто убить,– фыркнул Вертер,– пусть попробует. Но воевать с человеком, который делает с тобой одно дело, как-то неправильно, тут я с тобой согласен.

Некоторое время друзья молчали, обдумывая создавшееся положение. Судя по тому, какой печалью наполнились их глаза, мысли Демиурга и Защитника текли в одном направ-

лении. Игра в Реальность никогда не оставляет свои сценарии незавершёнными. Она с бараньим упорством сталкивает лбами своих Игроков, заставляя их сбалансировать возмущения в энерго-информационном поле, порождённые их прошлыми поступками. Эти как бы случайные встречи могут длиться из века в век, пока один из Игроков не решится наконец поставить в конфликте большую жирную точку, отказавшись от мести. Много лет назад судьба свела Вертера и Амара в смертельной схватке, и кровавый след протянулся из прошлого в настоящее. На данный момент перевес был на стороне Вертера, и Амару предстояло решать, захочет ли он прекратить кровопролитие.

– Вер, а ты никогда не думал, что могло бы случиться, если бы ты тогда пощадил Амара? – задумчиво спросил Сабин.

– Тогда бы его прикончил ты, – усмехнулся Вертер.

– Да, наверное, ты прав, – Сабин грустно улыбнулся. – Но как бы тогда сложились ваши с ним отношения?

Вертер задумался. В те далёкие времена он искренне ненавидел Амара, который принёс столько боли его близким и ему самому, он жаждал мести. Игра предоставила ему шанс отомстить, но казнь командора, увы, не принесла мстителю душевного покоя, только досаду и сожаление. Если честно, Вертер начал раскаиваться практически сразу, уже когда стоял над обезглавленным телом и смотрел, как отрубленная голова его врага катится по склону холма. Если бы можно было развернуть те события вспять, он бы точно отказался от роли

палача, но сделанного не воротишь, и запоздалым раскаянием не затереть оставленный в прошлом глубокий кармический след. Одна кровь всегда порождает другую, и, вернувшись в наш мир Амритой, казнённый командор убил Лику, едва снова не убил сестру Вертера и его самого, и похоже, на этом он не остановится, если вспомнит про прошлые обиды. А ведь всё могло сложиться совсем иначе.

– Знаешь, Санни, – в голосе Вертера отчётливо послышалась горечь, – а ведь мы могли бы стать друзьями с Амаром. Если бы он ни выкинул тот подлый трюк с трансгрессией, я бы, наверное, его пощадил, но он сам виноват, нужно было драться честно.

Пожалуй, ему до сих пор было больно вспоминать, как обозлённый неожиданным отпором своего менее опытного противника командор напал на него со спины, используя свои способности Мастера Игры. А ведь этот поединок вообще не должен был состояться, по-хорошему, пленённого Амара следовало тупо прикончить за все его художества. Так нет же, щепетильный Вертер предоставил своему врагу возможность отстоять свою жизнь в честном поединке, а тот отплатил за великодушие подлостью. Стоит ли удивляться тому, что обозлённый его подлым трюком противник таки довёл свою месть до конца?

– Ты когда-нибудь задумывался, почему Амар позволил тебе себя убить? – вопрос Сабина прозвучал явным диссонансом покаянным размышлениям Вертера.

– Чего!?! – возмутился тот. – Да он сопротивлялся до последнего, даже пошёл на жульничество, когда понял, что проигрывает. Тоже мне, позволятель.

– Вер, не тупи, – губы Сабина скривились в насмешливой гримасе, – если Амар смог переместиться тебе за спину во время поединка, то уж как-нибудь улизнуть с импровизированного эшафота для него не составило бы труда, однако он покорно подставил шею по твой меч. Я думаю, Амару стоило серьёзных усилий удержаться от соблазна сбежать.

Вертер застыл с открытым ртом, этот элементарный расклад почему-то раньше не приходил ему в голову. Конечно, далеко командору было не убежать, из мира тюрьмы для него не было выхода, но побороться за свою жизнь он мог даже с отрубленной кистью и уж тем более мог избежать позорной казни. Но Амар покорно встал на колени и позволил отрубить себе голову. Это действительно как-то противоречило его предыдущим отчаянным попыткам спастись, и Вертер, как ни старался, не видел причин этой покорности судьбе.

– Похоже, у тебя есть версия, – обиженно пробурчал он. – Излагай.

– Дело в том, Вер, что его приговорил вовсе не ты, а его собственный меч, – пояснил Сабин, – приговорил за ту подлянку, что он позволил себе во время поединка. Амар совсем не готов был проиграть какому-то желторотику, который и за меч-то впервые взялся всего год назад. Это я про тебя, если что.

– Да я и не спорю,– Вертер хмуро глянул исподлобья,– он тогда был явно сильнее технически и, главное, опытней. Меня спасло только моё нахальство и упрямство.

– Но мечу резоны его хозяина были неинтересны,– продолжал излагать свою версию Сабин,– коли ты совершил подлость, то владеть таким оружием недостойн. Вот меч его и бросил.

– Как это бросил? – Вертер снова принялся возмущаться. – Это я отрубил Амару кисть, в которой он держал меч, так что это я их, так сказать, разлучил.

– Вер, ты же не мог не заметить, что у этого меча есть сознание,– пожурил своего собеседника Сабин,– он вполне в состоянии действовать независимо от своего хозяина, например, для его защиты. Если бы меч захотел, то отбил бы твой удар, а он, я думаю, намеренно подставил руку Амара под твой клинок, и тот, как опытный боец, не мог этого не понять. Наш командор, похоже, раскаялся и согласился с приговором своего меча.

– Так чего же тогда Амрита мне мстила, если я просто был орудием в руках судьбы? – Вертер недоверчиво скосил глаза на своего собеседника.

– Кто знает? – Сабин хитро улыбнулся. – Возможно, если бы ты не устроил ему тогда унижительную казнь с отрубанием головы, а просто прирезал бы нашего командора, то его реинкарнация и не стала бы тебе мстить. А может быть, его обидело то, что ты так и не понял, что великого воина

победил его собственный меч, а не какой-то самонадеянный юнец. Ну и наконец, Амрита, по-видимому, посчитала тебя недостойным владеть этим волшебным оружием, а значит, тебя следовало убить, а меч забрать.

– Интересная история,– усмехнулся Вертер,– получается, всё дело в этом мече. Ты не забыл, что он сам меня выбрал? Бросил своего хозяина, а потом и хозяйку.

– Думаю, если ты отдашь меч нынешней реинкарнации Амара, то тот успокоится,– сделал предположение Сабин.

– Ну нет,– Вертер неосознанно положил ладонь на крестообразную рукоятку,– не дождётся. Если меч сам решит вернуться, тогда другое дело, а против его воли я распоряжаться им не стану. Сам же говоришь, что у моего меча есть сознание, а значит, и свобода воли. А если этот мстительный командор снова ко мне полезет, мы с мечом с удовольствием отправим его обратно в ад.

Речь Вертера была наполнена таким пафосом, что Демург не сдержавшись расхохотался. Защитник некоторое время обиженно наблюдал за насмешником, а потом беззаботно присоединился к его веселью.

– Кстати, Санни,– спросил он сквозь смех,– ад на самом деле существует? А рай?

– Вер, ну что за глупости,– фыркнул Сабин,– как можно верить в эти сказки?

– Не знаю, не знаю,– Вертер покачал головой,– обычно во всех сказках под слоем выдумки всегда кроется зерно ис-

тины. Ты бы проверил своё хозяйство, Демиург, на предмет наличия вышеупомянутых субстанций. А вдруг где-то в самом дальнем уголке нашлось-таки местечко для рая и ада? Земля ведь совсем не маленький мир, можно и пропустить какие-то детали.

– Обещаю, как только разгребу срочные дела, обязательно поищу райские кущи и адские сковородки,– рассмеялся Сабин.

Вот только смеялся он напрасно, и последующие события наглядно показали, кто обычно смеётся последним. В сказках действительно далеко не всё является выдумкой, тем более в таких мрачных сказках, как земные религии.

Ульрих рассеянно смотрел в окно, в пол-уха слушая доклады наблюдателей. Всё, что они скажут, он знал заранее, так как это была далеко не первая его реинкарнация в статусе Магистра, и привычная процедура уже давно набила оскомину. К тому же Ульрих был уверен, что даже если и пропустит что-то существенное, то его второе я зафиксирует всё в точности, и сам поднимет упущенную Магистром тему. Впрочем, в данном случае ещё неясно, кто был первым, а кто вторым я, делившими одно тело, и Радвила не упустил шанса напомнить своему носителю о реальном раскладе сил в этом щекотливом вопросе.

– Ули, дорогой,– раздражённо процедил он в голове Магистра,– тебе не кажется, что не следует манкировать свои-

ми обязанностями? Я ведь могу и без тебя обойтись, мне не привыкать отправлять твоё сознание в карцер.

В первый момент Ульрих сжался, страх холодными щупальцами вцепился в его сознание, поднимая волну паники. Он отлично знал, что Радвила обычно не бросается подобными угрозами просто так, отключить сознание своего носителя от всех каналов восприятия было его излюбленным способом наказания. О своих прошлых заключениях в так называемом карцере Ульрих вспоминал с содроганием и ужасом, однако в этот раз его реакция на угрозу оказалась, скорее, инстинктивной, нежели осознанной, он внезапно с удивлением понял, что ему больше не страшно.

– Давненько ты не прибегал к угрозам,– лениво отозвался Магистр. – А что, давай. Темнота, тишина и никаких ощущений, просто курорт.

– Ага, вот только через пару дней на этом курорте ты начнёшь бодренько сходить с ума,– огрызнулся Радвила. – А ведь я могу и месяц тебя там продержать, а то и вообще забыть о твоём существовании. Роль Магистра не такая уж сложная, думаю, я справлюсь без помощников.

Некоторое время Ульрих молчал, обдумывая своё положение. Ему было тошно от одной мысли, что приходится делить тело с каким-то могущественным мерзавцем, но то, что этот мерзавец принуждал его делать, было стократ хуже.

– Знаешь, Радвила,– наконец отозвался он,– может быть, так будет даже лучше, я свихнусь и не буду больше участво-

вать в твоих махинациях. Думаешь, я не понимаю, к чему ты ведёшь мой мир?

– Талас – это ещё не весь мир, а только одна из альтернативных Реальностей, – привычно поправил своего носителя подселенец.

– Плевать, – прервал наставление Ульрих, – для меня Талас – это и есть весь мир. Мой мир. И в нём уже почти не осталось свободных личностей. Зачем ты превращаешь людей в безвольный скот?

– А как же иначе их можно было бы доить? – Радвила ехидно захихикал. – Свободных людей ведь трогать нельзя, а я законы не нарушаю. Но тебе-то чего волноваться, Ули? Тебе роль дойной коровы не грозит.

– Да, у меня куда более важная роль, – горько усмехнулся Магистр, – роль дойного агрегата.

– Что ж ты раньше-то не возмущался, когда пустил меня в свой разум? – насмешливо поинтересовался подселенец. – Да нет, это я ещё смягчаю формулировки, ты сам меня призывал. Неужто так захотелось стать великим магом, что о последствиях своих манипуляций подумать времени не хватило?

Упрёк был вполне справедливым, и от этого Ульриху сделалось совсем тошно. Он старался даже не вспоминать о тех временах, когда двое безмозглых юнцов, погнавшись за обещаниями дармового могущества, провели ритуал призвания высшей сущности. Вот только обещанного могущества они

так и не получили, а, вместо этого, стали пленниками иномирного подселенца.

– А ведь ты меня обманул, Радвила,– Ульрих зло выругался,– ты так и не дал мне способностей, о которых мы договаривались. Чудеса, что мне временами приходится демонстрировать братьям, сотворишь ты сам.

– Какая разница,– в голосе подселенца явственно слышалось искреннее недоумение,– эти олухи всё равно обо мне ничего не знают, для них могущество олицетворяется тобой, мой великий и ужасный Магистр. Хватит хандрить, Ульрих, нам с тобой предстоит решить одну весьма щекотливую задачку. Вот послушай, что говорит этот наблюдатель о новой религиозной секте на Таласе. Она называется Просвещение.

– И чем эта секта так тебя заинтересовала? – небрежно бросил Магистр. – Таких сект пруд пруди.

– Нет, мой милый, эта секта особенная,– Радвила сделал акцент на последнем слове. – А хочешь знать, чем особенная? Тем, что это вовсе не секта. Ребята из Просвещения откуда-то нарыли истинные знания о мироздании и начали их распространять с упорством носорога.

– Предлагаешь натравить на них церковников? – безразлично поинтересовался Ульрих.

– Ни в коем случае,– Радвила аж поперхнулся. – Мы будем их холить и лелеять, удобрять и поливать, пока они ни зацветут пышным цветом. И вот тогда те люди, которые ещё остались на Таласе, сами придут к ним, вернее, уже к нам.

Ведь пока Просвещение будет из скромного росточка превращаться в могучее древо, у нас будет уйма времени, чтобы прибрать к рукам всю верхушку этой замечательной конторы. А значит, из чисто просветительской организации они очень резво превратятся в ещё один эгрегор, и на этот раз в него попадёт как раз нужный нам контингент. Противникам религий ведь тоже нужно во что-то верить, вот мы и удовлетворим их насущные потребности. Как тебе такой план?

– Мерзко, нагло и подленько, – прокомментировал Ульрих, – всё, как ты любишь.

Радвила не ответил, только от души расхохотался в голове у своего носителя. Обстоятельства складывались просто отлично, он бы и сам не придумал ничего лучше, чем создать такую восхитительную приманку для ищущих умов свободных обитателей Таласа. Похоже, его миссия в этой Реальности мира Земли вступала в свою заключительную стадию.

– Радвила, а как всё закончится? – Ульрих словно подслушал потаённые мысли своего подселенца. – Что станет с моим миром, когда никого не останется?

– Я заберу тебя в иную Реальность, – беспечно промурлыкал захватчик, – тебя и Генриха. Не терять же времени даром, пока один из вас отсиживается в посмертии. Вы так мало живёте, мой милый, но тут ничего не поделаешь, такими вас создал бывший Демиург, чтоб ему пусто было.

– Я не про себя спрашиваю, – прервал его стенания Ульрих. – Что станет с населением Таласа?

– Откуда такие мазохистские наклонности,– Радвила насмешливо фыркнул,– зачем тебе это знать? Это будут уже не люди, просто животные.

– Ответь! – Ульрих едва ни произнёс это слово вслух.

– Ладно, не психуй,– примирительно промурлыкал Радвила,– расскажу, если уж тебе так хочется знать. Это называется жатва, после неё этот мир практически опустеет, а потом Демиург его снова заселит. Они всегда так делают.

– Всегда?! – Ульрих уже едва сдерживался, чтобы ни заорать. – Ты хочешь сказать, что Талас – не первая Реальность, которую ты уничтожаешь?

– Так, Магистр, ты либо сам успокоишься, либо это за тебя сделаю я,– на этот раз голос подселенца прозвучал зловеще. – Я беру на себя управление твоим телом, а ты пока обдумай своё положение.

Сознание Ульриха привычно зависло, словно пузырьёк воздуха в глицерине. Он больше не мог ощущать своего тела, хотя зрение и слух сохранились, а ведь Радвиле ничего не стоило и их отключить. Обычно подселенец использовал эту меру в качестве наказания, чтобы настроить своего носителя на конструктивное сотрудничество. Нужно сказать, что это была весьма действенная мера. Остаться в сознании, но при этом абсолютно без каких-либо раздражителей было настолько тяжело, что Ульрих готов был на всё, только бы избежать этой пытки. Однако сейчас он поймал себя на странной мысли, что предпочёл бы ничего не видеть и не

слышать. Пленник в собственном теле, он, казалось бы, давно свыкся со своей участью, а нет, оказывается, он всё ещё на что-то надеялся, и утрата этой надежды превратила его смирение в отчаяние.

И о чём они только думали с Генрихом, двое амбициозных и ленивых учеников магической школы, мечтавших о могуществе и власти, но не светской, а истинной власти над Реальностью. Конечно, они были не единственными студентами, которые лелеяли мечту стать всемогущими магами, амбиции были главной движущей силой в школе. Вот только остальные корпели над трактатами и проводили бессонные ночи в изматывающих практиках, а Два Лиха, как звали приятелей сокурсники, решили, что поступательный путь к знанию не для них, и принялись искать волшебную таблетку всевластия. Да, Радвила не врал, они сами его призвали и заключили с ним соглашение. С тех пор из школьных приятелей Генрих и Ульрих превратились в кровных родственников, становясь попеременно то отцом, то сыном друг друга. А хитрый подселенец со смертью одного из них просто перепрыгивал в тело другого, заставляя новенького подтвердить свою клятву верности с помощью мудрёного ритуала.

Очень похоже, что Генрих тоже уже наелся этого могущества до рвоты, недаром он попытался предупредить своего сменщика, как только подселенец покинул его умирающее тело. Слишком поздно, ритуал, отработанный сотнями лет, не давал сбоев. Страх мучительной смерти, плюс манипуля-

тивные техники сделали своё дело, в очередной раз превратив Ульриха в оружие, с помощью которого пришелец последовательно и беспощадно уничтожал его мир. За десятки воплощений пленник перепробовал всё от открытого бунта до коварных интриг и успел убедиться в полной бесперспективности сопротивления. Пару раз он даже пытался покончить с собой, но Радвила всегда был на чеку и перехватывал управление его телом до того, как Ульрих успевал причинить себе травму, несовместимую с жизнью, а прочие раны, даже очень тяжёлые, подселенец излечивал в считанные секунды.

– И почему люди не умирают от полной безнадёги и отчаяния? – в очередной раз посетовал пленённый Магистр. – Это ведь тоже сродни болезни.

Увы, всесильный захватчик не позволял своему носителю отдать концы до тех пор, пока его преемник не был подготовлен к несению вахты, а потом, откуда ни возьмись, на старого носителя враз обрушивались все недуги, и из могучего мужчины он в считанные дни превращался в развалину. Вот только обычно Радвила не заставлял их умирать так долго и мучительно, как умирал на этот раз Генрих. Что же такое тот натворил, коли подселенец решил над ним поизмываться?

– Он сам так захотел, – отозвался Радвила на мысленный вопрос своего носителя, – решил таким образом себя наказать. Глупец, это совершенно ничего не меняет, но я не стал спорить, позволил ему умереть естественным путём.

Что ж, это неудивительно, чувство вины перед ни в чём

не повинным человечеством давно уже стало постоянным спутником жизни двух непутёвых магов, и искупления грехов ждать не приходилось.

– Не думай, будто я не понимаю, что вы с Генрихом давно перегорели,– сочувственно произнёс Радвила. – Люди – слишком чувствительные и хрупкие существа.

– Так отпусти нас,– с тоской воззвал Ульрих к своему учителю. – Разве нет других людей? Заведи себе новых носителей, а мы с Генрихом умрём, всё забудем и спокойно уйдём в небытие вместе с остальными жителями Таласа.

– Ты уж потерпи немного, Ули, недолго осталось,– в голосе Радвилы снова зазвучало сочувствие. – Мне сейчас менять носителя совсем не с руки, сознания ведь очень долго притираются друг к другу, вырабатывают синхронность восприятия, как бы вступают в резонанс. Разве ты не помнишь, сколько твоих воплощений мы воевали, пока ни пришли к взаимовыгодному сотрудничеству?

– Ага, пока ты меня ни скрутил,– горько заметил Ульрих. – Давай называть вещи своими именами.

– Хочешь правду,– насмешливо бросил Радвила,– изволь, мне скрывать нечего. У тебя с самого начала не было шансов, Ули, только зря трепыхался. Люди вообще не умеют держать удар, рано или поздно все вы ломаетесь. То ли дело ваши предшественники, венны, те были крепкими орешками, с ними вообще невозможно было поладить, пока эти упрямцы ни утратили свою свободу.

– Их ты тоже обдурил? – безразлично спросил Ульрих.

– Нет, веннами практически невозможно было манипулировать, – Радвила тяжко вздохнул. – Если бы ни помощь Демиурга, пришлось бы отказаться от этого мира.

– Странно, мне казалось, что Демиурги призваны защищать свои миры, – удивился Магистр.

– А ему как раз и пришлось защищать мир от слишком ретивых обитателей, которые едва ни отправили этот мир в небытие, – подселенец ехидно захихикал. – Вот только одного этот великий правитель не учёл, самим веннам и в голову бы не пришло ставить такие рискованные эксперименты в месте своего обитания. Так что пришлось им посодествовать.

– Понятно, – в голосе Ульриха явственно чувствовалась усталость, – без тебя всё-таки не обошлось. И что же сделал Демиург?

– Именно то, над чем мне сейчас приходится трудиться изо дня в день, – раздражённо прошипел Радвила, – лишил своих подданных свободы воли. Вот это был настоящий праздник, жаль, что продлился он недолго. Веннов не стало, старый Демиург жёстко поплатился за самоуправство, а новый Демиург заселил свой мир людьми и вернул им их законные права. Вот и приходится мне теперь работать с каждым жителем по отдельности. Настоящая каторга, должен тебе признаться.

– Ради чего всё это? – Ульрих безнадёжно вздохнул.

– В мироздании есть только одна по-настоящему ценная вещь, – наставительно произнёс подселенец, – это жизненная сила воплощённых сознаний. И отдать свою силу эти сознания должны сугубо добровольно. Вот такая непростая задача.

25 день колиты, 784 год от Исхода

Вот я и стала взрослой и самостоятельной, живу в общежитии при Университете, учусь, наслаждаюсь независимостью. Как-то я не очень радостно звучу, не находишь, дневничок? Так и есть, мне одиноко и тоскливо. Все мои приятели из школы разлетелись кто куда, а местные снобы считают ниже своего достоинства общаться с простолюдинкой. И какого чёрта я сунулась в Виндомский Университет? Это же просто отстой. Именно сюда правящие кланы сдают своих деток, чтобы им немного вправили мозги после домашнего начального обучения. Хотя напрасно я ною, попала я сюда не от хорошей жизни, выбора не было. В Урицкий Университет меня не взяли, там при поступлении на практическую магию нужно уже владеть азами трансгрессии, а у меня, хоть ты тресни, не получается перемещаться, я даже не вижу альтернативных Реальностей. Вот такая засада.

Впрочем, могло быть и хуже. Это мне ещё повезло, что им нужен был мастер по длинной руке, а то пришлось бы мне прозябать в каком-нибудь захолустном колледже в глухой провинции. Всё-таки Виндом – это престижно. Опять

же, есть возможность задружиться с кем-нибудь, кто через десяток лет, возможно, станет важной шишкой, может быть, даже войдёт в Совет кланов. Странно, год назад от такой перспективы я бы млела, как кусок масла на сковородке, а теперь мне это безразлично. Нет, вру, вовсе не безразлично, меня тошнит от одной только мысли, что нужно будет всю жизнь общаться с этой публикой. Как же быстро улечиваются подростковые мечты при столкновении с действительностью.

Поскольку в мажорную тусовку меня не приняли, я от нечего делать засела за книжки и в итоге закончила первый семестр пятой на курсе. Это из почти двухсот человек, между прочим. Так что на каникулы я ехала домой победителем. Боже, как же я соскучилась по родителям, по своему дому и даже по Люку. Кстати, о Люке. Этот проньера словно почувствовал, что я решила замутить с ним типа «отношения». На второй день после моего приезда явился при параде и, только представьте, с букетом тюльпанов. И где только нарыл мои любимые цветы зимой? Не иначе как заколдовал. Родители так и застыли с открытыми ртами. Ещё бы, мы ведь с Люком дружим буквально с колыбели и подгузников, моих, понятное дело, Люк всё-таки меня на четыре года старше. Его мама купила соседний с нами дом аккурат в тот день, когда я родилась. Отца у Люка не было, а мужское общество мальчишке ведь нужно, вот его мамаша и начала приводить мальшиа к нам.

Уж и не знаю, что на Люка нашло, только он начал за мной ухаживать всерьёз. Представляешь, дневничок, даже в ресторан сводил, всё по-взрослому. А когда я на прощанье позволила ему невинный, почти дружеский поцелуй, этот самопальный донжуан чуть в обморок не грохнулся. Я представила моего трепетного поклонника в постели, и меня едва ни стошнило. Нет, насчёт Люка это я погорячилась, если уж и заводить серьёзные отношения, то с кем-то поопытней. А может быть, ну его, жила же спокойно без этой любви и горя не знала. Нет у меня никакого страха потерять близких, просто все эти амуры не для меня.

А что же тогда для меня? Чего мне на самом деле хочется? Наместником становиться я раздумала, уж больно мерзкая публика обретается рядом с властью, талантов у меня никаких особо не просматривается, разве только к боевой магии. Может быть, мне пойти в наёмники? Фу, что за бредовые мысли, вот только убивать за деньги мне и не хватало. А какие ещё могут быть перспективы у молодой девушки из обычной семьи? Замуж, дети, кухня, фиалки в горшочке? М-да, та ещё перспективка, уж лучше в наёмники. Что-то у меня сегодня какое-то траурное настроение. Не буду тебя утомлять своей фрустрацией, дневничок. Пока.

2 день истрия, 785 год от Исхода

Это ж надо, как быстро всё меняется в этой жизни. Вот только неделю назад я вся в соплях пыталась понять, как

жить дальше, а теперь готова летать от полноты чувств. Знаю, дневничок, тебе же нужны подробности. Не переживай, ничего не скрою. А началось всё как раз на следующее утро после поцелуя с Люком. Окрылённый первым успехом, который, кстати, я планирую сделать и последним, мой поклонник прискакал едва рассвело с предложением навестить его родню. Вообще-то, с его мамой я виделась, наверное, не реже, чем он сам, поэтому предложение меня слегка огоршило. Но оказалось, что Люк имел ввиду вовсе не маму, а своего старшего брата. Я сходу отказалась, скучные посиделки за праздничным столом меня никак не привлекали, но настёрный поклонник и не подумал сдаться, начал уговаривать. И тут я узнала о моём детском приятеле много нового и интересного.

Оказывается, наш Люк вовсе не безродный шалопай, он прямой наследник клана Заккари. В Совете этот клан правда не представлен, но всё равно числится среди самых влиятельных. Младший сын, конечно, ни на какое наследство претендовать не может, тем более, что его отец и мать расстались, и мать забрала младшенького с собой. Хотя официально свой развод его родители не оформили, так что, если старший брат Люка умрёт раньше, чем обзаведётся наследником, то младшему достанется всё. Зацени, дневничок, какой у меня перспективный ухажёр нарисовался, а я и не подозревала. Кстати, отец Люка умер два года назад, так что в его родовом поместье сейчас правит его

братец – глава клана. Вот в гости к этому братцу по имени Кайден меня и пригласили. А в дополнение к обществу председателя клана (не женатого, кстати) было обещано ещё много разных развлечений: гонки на акселях, охота и, главное, мини-турнир по длинной руке. Перед искушением раскатать вчистую всё это знатное общество устоять я не смогла и согласилась.

Представляешь, дневничок, это на самом деле оказался старинный замок, без шуток. Правда, внутренние помещения кардинально переделали под более или менее комфортное жильё, ну там водопровод, отопление, освещение, но всё равно, камень есть камень, и заделать все щели в таком грандиозном сооружении просто нереально. К счастью, гостей разместили в современной пристройке, мне досталась вполне себе комфортабельная спальня даже с персональной ванной, всяко лучше, чем в университетской общежитии. Вот только замков на дверях предусмотрено не было. Мне это сразу не понравилось и, как оказалось, не напрасно.

Мы с Люком добрались до поместья очень поздно, когда хозяин и его домочадцы уже изволили поживать. Слуги (настоящие такие, в передничках и ливреях) проводили нас в наши комнаты и даже притащили какую-то еду. Но я была такая сонная, что едва ни заснула прямо в душе, так что до еды дело не дошло. А напрасно, в эти судочки стоило заглянуть, таких разносолов я сроду не пробовала. У нас в семье культ еды отсутствует напрочь, мама терпеть не мо-

жет готовить, считает это пустой тратой времени, папа иногда пускается в кулинарные извращения, но это только по праздникам, так что я с детства привычная к разогретым полуфабрикатам. А тут... Нет, это словами не передать, нужно пробовать, чем я, кстати, и занялась с утра пораньше, так что, когда горничная пришла звать меня к завтраку, я уже была сытая и довольная, как слон. В результате, за общим столом пришлось изображать из себя эдакую жеманную барышню, которая питается как мотылёк божьей росой. Это чтобы не лопнуть от обжорства.

Если честно, мне просто повезло, что я смела под чистую свой вчерашний ужин, потому что нормально поесть за завтраком я бы всё равно не смогла, причём вовсе не от стеснительности. Я же вообще не стеснительная от природы, за просто могу раздеться даже при парнях, если этого требует обстановка. Нас ещё в школе специально тренировали на игнорирование своего внешнего вида, чтобы это никак не влияло на концентрацию внимания. Так вот, мне этот урок дался вообще без проблем, но тут я натурально поплыла. За длинным дубовым столом сидело с дюжину крепких парней, один другого краше. Как потом выяснилось, это была личная гвардия главы клана. Мой неказистый ухажёр на фоне этих воинов поблек и сник, словно цветочек под палящим солнцем без воды. Он и так-то никогда не отличался физической силой, что с него взять – теоретик, но на фоне других студентов Люк смотрится довольно предствительно,

видимо, порода даёт себя знать. А вот рядом с настоящими уверенными в себе мужиками младшенький Заккари выглядел как прыщавый фрустрирующий подросток.

Но главный удар мой несчастный ухажёр получил чуть позже, когда в зал явился сам хозяин заведения, а по совместительству его брат. Впрочем, культурный шок получил не только Люк, но в гораздо большей степени я сама. Представь себе, дневничок, такого черноволосого красавца с фигурой юного бога. Хотя самому красавцу, наверное, сейчас никак не меньше тридцати, но я уверена, что он даст сто очков вперёд любому из своих гвардейцев. В каждой чёрточке – уверенность в своей непобедимости. От одного его взгляда хочется встать по стойке смирно, что, кстати, его гвардейцы и исполнили при появлении начальства. Мастер Кайден вальяжно так махнул рукой вытянувшегося во фронт войску и направился к нам с Люком. Я ожидала, что братья будут рады встрече, обнимутся, расцелуются, но нет, никаких обнимашек, только крепкое рукопожатие и натянутые улыбки. Это что, вообще, за фигня?

Потом хозяин повернулся ко мне и улыбнулся уже по-настоящему. Что было дальше, я не помню, сплошной розовый туман. Наверное, я что-то ответила на его приветствие, скорее всего, даже вполне вменяемое, но в памяти этот момент не сохранился. Зато отлично помню, как по всему моему телу разлилась какая-то горячая волна, как мне стало одновременно страшно и хорошо до одурения. Очнулась я от

этой блаженной нирваны уже в своей комнате. Вот скажи, дневничок, это и есть та самая любовь, чтобы с первого взгляда и на всю жизнь? Или это просто колдовство? Мастер Кайден ведь точно маг, причём явно неслабый. Может быть, он на меня навёл морок? А знаешь что, мне пофиг, такой счастливой я себя очень давно не чувствовала. Пусть будет морок, главное, чтоб подольше.

После завтрака мы отправились гонять на акселях. Мне достался чёрный с изображением дракона на радиаторе и мощный, зараза, как тот дракон. Я с непривычки чуть ни навернулась на первой же кочке, но, слава Создателю, с координацией и скоростью реакции у меня всё в порядке, удержалась в седле. Потом много всего было интересного. Я, к счастью, уже слегка оклемалась после первой встречи с Кайденом и смогла по достоинству заценить его гостеприимство. Зря я капризничала и отнекивалась от этой поездки, такого удовольствия я давно не испытывала.

Надо сказать, замок Заккари – это настоящий мужской клуб, не в смысле, борделя, а как раз наоборот. Там обитают практически одни мужики, и ведут они довольно строгий образ жизни: тренировки, учебные бои с разного рода оружием, какие-то таинственные вылазки. Девушки, впрочем, тоже были, они понаехали ближе к вечеру, когда хозяин решил устроить вечеринку в честь брата и его спутницы, то есть в мою честь. Представляешь мою растерянность, дневничок, когда я увидела из окна, в каких нарядах прибы-

вают гости, а у меня в сумке пара джинсов, несколько кофточек, да простенькое платьице из крепдешина. И Люк, тоже мне, остолоп, даже не предупредил, чтобы захватила с собой что-нибудь нарядное. Как выяснилось позже, это он не из вредности, а по незнанию. Сам он тоже попал впросак с дресс-кодом.

Я решила, что не пойду позорится, скажусь больной, мол, простудилась, гоняя на акселе. Уже начала прикидывать, как бы мне создать убедительный антураж трагического стечения обстоятельств, но тут в незапертую дверь вваливается горничная и за ней дюжий такой детина с коробкой. А в коробе, угадай что. Там было ВСЁ! Да-да, начиная с белья до платья, туфель и украшений. И всё моего размера. А ещё горничная притащила с собой целый салон красоты для укладки волос и косметических прикамбасов. Вот это я понимаю, подарок от главы клана.

Эх, дневничок, жаль, что ты не мог меня лицезреть в этом платье да при полном марафете. Я бы, наверное, сама в себя влюбилась. Люка быстренько оттеснили куда-то в угол, тем более, что ему никаких подарков в виде вечернего костюма положено, судя по всему, не было, а за мной весь вечер ухаживала гурьба крутых мужиков брутальной наружности. Это был ни с чем не сравнимый кайф, и я была бы просто на седьмом небе от счастья, если бы ни одно паскудное обстоятельство. Хозяин дома, как оказалось, был не один, рядом с ним постоянно вертелась высоченная плати-

новая блондинка в облегающем блестящем платье. И вела себя эта краля довольно непринуждённо, словно место рядом с главой клана было ею давно и надёжно обжито, причём у мастера Кайдена её развязное поведение почему-то не вызывало никакого отторжения, похоже, блондинка была в своём праве. Позже Люк мне рассказал, что эта дамочка, Ираида, является невестой его брата, она тоже из какого-то крутого клана, так сказать, династический брак.

Ну вот что это за невезение? Только мне по-настоящему кто-то понравился, так он тут же оказался чьим-то законным женихом. Впрочем, мне с этой блондинкой не равняться ни по росту, ни по знатности, да и по возрасту Кайден мне не подходит. Староват. Нет, это я, разумеется, просто ищу оправдания такому крутому облому, на самом деле возраст тут абсолютно ни при чём. Увы, рядом с этой белобрысой моделью я выглядела как первоклашка, зато на следующий день мне представился шанс сравнить очки, а то и дать Ираиде фору, потому что это был день соревнований по длинной руке.

Откуда у меня взялись способности к этому виду боевого искусства, я понятия не имею, может быть, с прошлой жизни, но только равных мне тут нужно хорошенько поискать, и не факт, что найдёшь. Почему-то здоровым мужикам всегда кажется, что они смогут использовать свою физическую силу и в длинной руке. Меня это заблуждение всегда смешило, ведь здесь сила ничего не решает, только

ловкость и способность к концентрации, ну и, конечно, общий запас жизненных сил, который от физухи, кстати, вообще никак не зависит. Какой-нибудь хлюпик может просто обладать силой настоящего ура, хотя обычно уры создают себе крутые тела, если им не нужно прикидываться слабаками.

В общем, от миниатюрной молоденькой девушки никто не ожидал никаких сюрпризов, так, пустили поиграться с большими дядями. Поначалу дяди даже действовали вполсилы, видимо, боялись зашибить малолетку ненароком, но после третьей чистой победы первоначальное удивление сменилось у них боевым азартом, и мне пришлось попотеть. Впрочем, это было к лучшему, избавило от расслабленности на фоне лёгких побед. В результате, первый день турнира я прошла без единого поражения. Главное развлечение было намечено на второй день, когда четверо победителей должны были состязаться друг с другом. Это, я вам скажу, было то ещё зрелище. Парни действительно были очень хороши, и всё-таки против моего природного таланта оставшейся троице было не выстоять.

Когда последний, распластавшись по рингу, наконец махнул рукой, отказываясь от дальнейшей борьбы, я даже не сразу поняла, что стала абсолютной победительницей турнира кланов, пусть и местного значения. И, как выяснилось, интуиция меня не подвела, потому что тут на ринг вышел сам хозяин турнира. Знаешь, дневничок, если бы не было то-

го бала и той блондинки, я бы просто не смогла ему сопротивляться, легла бы и подняла лапки кверху. Но блондинка во время турнира сидела аккуратно рядом с Кайденом, и они постоянно лизались, причём так непринуждённо, словно вокруг никого не было. Меня это просто выбешивало и, думаю, прибавляло здоровой злости во время поединков. Так что Ираидин жених явно выбрал не лучшее время, чтобы со мной драться.

В общем, я пришла в себя, только когда зал вдруг наполнился звенящей тишиной, словно его засунули под воду. Смотрю, а Кайден лежит в отключке, и на его губах кровь. С перепугу мне почудилось, что он уже не дышит, и меня захлестнула паника, даже показалось, что я сейчас сама грохнусь в обморок, но ничего, обошлось. В следующий момент все сорвались с места, блондинка завизжала как свинья под ножом мясника и бросилась на ринг, но гвардейцы её быстренько скрутили и начали приводить своего командира в чувство. Ничего страшного, как оказалось, с ним не случилось, пара трещин в рёбрах и лёгкое сотрясение мозга не в счёт. Кайдена оттащили в дом, а мы с Люком поплелись в свои комнаты. Было ясно, что ввиду драматических событий, чувствовать победителя не будут. Как же плохо я знала мастера Закари, не успела я принять душ, как опять притащилась горничная с приглашением на парадный приём и ещё одним платьем.

Дневничок, ты когда-нибудь ощущал себя словно в раю?

Мне тоже раньше казалось, что я знаю, каково это, быть счастливой, но то была лишь бледная тень счастья, поверь. Меня чествовали как богиню, море цветов, восторженные взгляды, слова, от которых хотелось либо расплакаться, либо взлететь. Гвардейцы весь вечер ходили за мной хвостиком и смотрели влюблёнными глазами. Да, в этом доме по-настоящему ценили мужество и воинское искусство, даже подраненный глава клана не отставал от своих подданных в чествовании победительницы. Он совсем на меня не обиделся, его даже восхитило, как круто я его отделала. А ещё он сделал мне подарок. Угадай что. Новенький спортивный аксель ярко-красного цвета, а на радиаторе – изображение пикирующего сокола, в общем, круть полная.

Когда я на своём призе прикатила в Универ, все эти знатные жлобы от зависти чуть ни полопались. А когда вдобавок узнали, как он мне достался, то вообще поджали хвосты и расползлись по норкамлизывать раны на своей фамильной гордости. Откуда ни возьмись, у меня сразу же образовалась компания, теперь я кумир местной тусовки. А знаешь, дневничок, мне на них плевать, я бы всё это счастье с лёгкостью обменяла на один поцелуй Кайдена. Увы, все поцелуйчики достались блондинке Ираиде. Вот такая невезуха. Зато у меня есть красный аксель с соколом. Также неплохо.

Глава 3

Пятидесятилетие Райдо отмечали в узком кругу. Полтинник для мира – это, считай, ещё младенчество, так что все посвящённые лица просто собрались на острове Создателя посидеть у самовара и пообщаться. Гном, который, ввиду постоянной занятости Антона в веннском мире, сейчас жил на острове практически один, чуть с ума не сошёл от счастья, когда гости один за другим начали слетаться на дружеские посиделки. Сабин явился последним и уселся на самом краешке праздничного стола. Поначалу никто особо не обратил внимания на то, что Демиург был как-то по-особенному тих и угрюм. Венн и так-то не отличался излишней болтливостью, но в этот вечер он превзошёл сам себя, кроме «здрасьте, спасибо, пожалуйста», не произнёс ни единого слова. Первым на неестественное поведение Сабина обратил внимание, как водится, гном.

– Эй, Демиург, твоё величество, – бесцеремонно заявил он, – ты, что ль, на похороны собрался, да ошибся адресом? У нас тут праздник, ваще-то.

За столом сразу сделалось тихо, все взгляды обратились к притулившемуся в уголке Сабину. Тот попытался непринуждённо улыбнуться, вроде как заценил шутку, но было очевидно, что улыбка даётся ему с трудом.

– А действительно, Санни, ты чего такой смурной? – под-

держал своего вечного оппонента Вертер. – С Ани, что ли, поссорился? Или наоборот, она наконец затащила тебя под венец?

– Перестаньте хохмить, умники,– тут же заступилась за Сабина Алиса. – Не обращай на них внимания, Саб. С Ани всё в порядке?

– погоди, милая,– Антон погладил защитницу обиженных по плечу,– тут, похоже, дело посерьёзней амурных похождений Демиурга в свободное от управления миром время. Рассказывай, брат. Что стряслось?

Сабин тяжело вздохнул и откашлялся, собираясь с духом.

– Я кое-что обнаружил в мире Земли, чего там быть никак не могло,– наконец проговорил он. – Сам не пойму, как я проглядел это раньше, наверное, из-за отсутствия опыта.

– Да чего нашёл-то, мил человек,– встрял гном,– не тяни резину. Хотя какой из тебя человек? Человеком ты сроду не был.

Сабин зло зыркнул на коротышку, но огрызаться не стал, видимо, ему было не до перепалок с задиристым гномом.

– Помнишь, Вер, как ты попросил меня проверить мир Земли на наличие рая и ада? – Демиург поднял глаза на Защитника.

– Неужто нашёл? – восхитился тот. – А я чего тебе говорил, не всё в сказках лживо, есть и зернышко истины.

– Нет, я не знаю, что это такое,– покачал головой Сабин,– какие-то странные непроницаемые эгрегоры, возможно, свя-

занные с религиями.

– Бустер, я не понимаю, что тебя так расстраивает,– Антон исподлобья посмотрел на брата,– все религии – это эгрегориальные структуры.

– Не считай меня наивным профаном,– на этот раз Сабин разозлился,– я же говорю, что эти эгрегоры очень странные. Во-первых, они расположены в Реальности посмертия, но не во всех альтернативных Реальностях, а лишь в некоторых, к тому же они не являются ни проекцией, ни составной частью одного из известных религиозных эгрегоров, но главное, эти структуры совершенно изолированы как от Реальности посмертия, так и вообще от мира. Я не вижу, что находится внутри.

– Так ты, что ж, не можешь туды залезть? – гном возмущённо хлопнул ладошкой по столу. – А ещё Демиург называется.

– Ты слово «изолированы» понимаешь? – одёрнул Антошу Вертер. – Санни, а тупо вскрыть эти нарывы на теле мира никак не получится?

– Брат, не вздумай,– тут же вклинился Антон. – Эгрегор – это живое существо, ты его убьёшь.

– Да я и не собираюсь,– отмахнулся Сабин,– Демиург не может совершить убийство в собственном мире без последствий, а в случае с эгрегором последствия могут быть самые печальные.

– Ну не развоплотят же тебя за это? – с вызовом спросил

Макс, который тоже со временем планировал стать Демиургом, только в мире Райдо.

– Угадал,– Сабин горько усмехнулся,– именно этим всё, скорее всего, и закончится. Такова расплата за нарушение законов мироздания, по крайней мере, для Демиургов.

– Интересно,– задумчиво проговорил Антон,– а может быть, именно в эти эгрегоры и отправляются сознания тех Игроков, которые отрицают реинкарнацию? Это всё-таки лучше, чем развоплощение, не находишь?

– Нет, брат, мне так не кажется,– Сабин покачал головой. – Я не верю, что там, внутри заблудившимся странникам благородно предоставляют уютный кров, гораздо больше это похоже на вульгарный насос по откачке энергии.

– Сабин, ты так говоришь, словно религиозный эгрегор – это inferнальное зло,– возмутилась Лика. – Что плохого в том, что люди во что-то верят, даже если они ошибаются?

– Не нужно смешивать веру и религию,– наставительно заметил Антон. – Нет ничего плохого в том, чтобы следовать каким-то учениям, даже если они ложные. Учения о мироздании возникают естественным путём из-за потребности Игроков разобраться с правилами и условиями Игры в Реальность, а вот религия – это искусственная конструкция, она создаётся людьми с определёнными целями, как правило, весьма далёкими от познания мира.

– Так единственное отличие в искусственном происхождении религий? – Алиса с интересом наклонилась к рассказ-

чику.

– Нет, не только, – возразил Антон. – Все религии – это эгрегоры, которые обязательно имеют три компонента: объект поклонения, иерархическую структуру служителей и финансовую составляющую, поскольку для поддержания структуры всегда требуются средства. За созданием всех и каждой религии обязательно стоит воля определённых личностей. И я имею ввиду вовсе не Создателей и Демиургов, речь идёт о жителях того мира, где данная религия формируется.

– Знаешь, Санни, а мне всегда казалось, что религиозные эгрегоры распространяют свои щупальца и на Реальность посмертия, – заявил Вертер, – чтобы, так сказать, обрабатывать верующих и после их смерти. Должны же они как-то выполнять свои обещания про загробную жизнь.

– Так оно и есть, – согласился Демиург, – практически у всех религиозных эгрегоров имеются проекции в Реальности посмертия, но они прозрачные, и я могу их контролировать.

– А зачем они нужны? – поинтересовалась Лика. – Это действительно что-то типа рая и ада?

– Нет, конечно, – Сабин грустно улыбнулся, – это просто некие локации, где происходит энергообмен эгрегора с сознаниями умерших adeptов, как бы корректировка частотной структуры их сознаний. На процесс перевоплощения эти проекции никак не влияют. Разве что, те верующие, в чьи понятия не входит представление о реинкарнации, проводят в Реальности посмертия гораздо больше времени. А вот те,

что попадают в один из этих изолированных эгрегоров, так там и зависают. Может быть, эти странные структуры поглощают наиболее рьяных адептов авраамических религий, которые принципиально не желают признавать реинкарнацию?

– Нет, Сабин, думаю, ты заблуждаешься, – возразил Атанкей. – За тысячи лет существования авраамических религий там бы скопилось столько сознаний, что соответствующая воплощённая Реальность обезлюдела бы.

– Вот почему мы такие доверчивые? – проворчал Сабин. – Откуда ты выкопал эту инфу про тысячи лет, Творец? Из жёлтой прессы? А ты бы лучше покопался в ноосфере Земли, тогда бы и узнал, что все авраамические эгрегоры совсем молодые. Самому старому не больше двух сотен лет.

– Но христианство существует гораздо дольше, – возразил Тарс. – Этого же ты не станешь отрицать?

– Христианство, как понятие, возможно, и существует с давних времён, в чём я, кстати, тоже не уверен, а вот единого христианского эгрегора нет и не было никогда, – отрезал Демиург. – Есть довольно много мелких эгрегоров, связанных между собой не столько структурно, сколько образно, ну и, конечно, общей легендой о сакральной жертве, которую они позаимствовали из гораздо более древних космогонических учений. В космогонических трактатах вообще было принято персонифицировать природные явления, наделять их именами и характерами, сочинять истории их жизни. Иисус был не единственным, кому приписали такую историю. До него

был Сет, Гор, Митра, Кришна, в общем, список длинный.

– Хочешь сказать, что такого пророка, как Иисус, на самом деле не было? – возмутился Даня.

– Отчего же, – Сабин пожал плечами, – наверняка, такая историческая личность существовала. Кстати, он был не один, пророков, пытавшихся донести до людей истинные знания, было довольно много. Просто те, кто запустил проект христианской религии, выбрали одного и создали из реально существовавшей личности миф, а по некоторым источникам, личность Иисуса – это вообще собирательный образ. Я, если честно, в этом вопросе глубоко не копался.

– Сабин, а с чего ты взял, что эти эгрегоры, которые так тебя расстроили – живые сущности? – спросил Даня. – А что если это просто искусственные конструкции, типа алгоритмов мира Земли.

– Даня, ты не забыл, что мир Земли – это в настоящий момент и есть сознание моего брата? – с усмешкой поинтересовался Антон. – Если бы эти эгрегоры не имели собственного сознания и ума, Сабин бы легко мог ими управлять, а коли не может, то это означает, что они обладают сознанием, которое как минимум способно сформировать свой ум.

– Прикольно, – усмехнулся Вертер, – значит, эти эгрегоры сотворил какой-то Создатель или даже несколько Создателей? Санни, сколько же Создателей обитает под твоим чутким руководством?

– Ни одного, – буркнул Сабин. – Кстати, живые сущно-

сти могут порождаться не только Создателями, но и совокупным сознанием Игроков. Например, если большая группа человек будет усердно поклоняться какому-то артефакту, природному явлению или даже просто месту, то со временем объект поклонения сможет обрести сознание и независимое существование. С эгрегорами дело обстоит точно так же. Сначала кто-то рождает идею и в рамках этой идеи начинает вести рекламную кампанию, потом у идеи появляются адепты, которые своей энергией начинают её подпитывать, а когда идея обретает силу, на её базе хитрые и практичные люди строят иерархическую структуру, назначают какую-то сущность объектом поклонения и находят источники финансирования. Всё, эгрегор готов. В какой-то момент энергии верующих, питающей эгрегор, оказывается достаточно, чтобы то, что было только совокупностью сознаний, обрело самостоятельность, сотворив себе ум.

– Ух ты! – гном аж подпрыгнул на стуле, едва не опрокинув на себя чашку с горячим чаем. – Ежели всё так просто, так чего ж мы тут попусту сидим, лясы точим? Давайте быстренько сварганим свеженький эгрегор для нашего Создателя. А то на Земле их тьма тьмушая, а на Райдо – ни одного, несолидно получается.

– Я тебе щас сварганю, – вскинулся Антон, – вот только религий мне тут не хватало. Только попробуй, и я тебя быстренько выпровожу обратно на Землю.

От такой отповеди гном съёжился на своём стуле, слов-

но бы даже усох. Сердобольная Алиса бросила на разгневанного Создателя осуждающий взгляд и ободряюще погладила несчастного Антошу по спине.

– Он ведь не хотел ничего плохого,– заявила защитница обиженных, – это он от любви к тебе, Тоша, а ты сразу угрожать. Ты как-то уж очень агрессивно реагируешь. Между прочим, очень многим людям вера помогает справляться с трудностями.

– Согласен, погорячился,– извинился Антон. – Я же не спорю с позитивным эффектом веры, только верить можно, и не являясь частью религиозного эгрегора.

– Получается, всё зло именно в этой структуре? – спросила Лика.

– Зло – понятие относительное,– Антон с улыбкой потрепал обиженного гнома по макушке. – Я бы, скорее, назвал эгрегор не злом, а костылём. Люди, которые неуверенно держатся на ногах, нуждаются в дополнительной опоре, вернее, им кажется, что без костыля не обойтись. А кто-то просто желает облегчить себе путь, ведь нести бремя ответственности за свою жизнь бывает порой очень непросто. Вот люди и перекладывают часть этой ноши на плечи более мудрого и сильного, как им кажется, бога, а потом привыкают, и костыль уже прирастает к ним намертво, становится их составной частью.

– Знаешь, Тоша,– вклинился Вертер,– случаются травмы, после которых без костыля никак. Если ты сломал ногу, то

либо сиди сиднем, либо бери костыли.

– Ты абсолютно прав,– Антон благодарно кивнул другу,– вот поэтому я и сказал, что зло – понятие относительное. Нет ничего зазорного в том, чтобы опереться на веру, когда тебе приходится туго, просто нужно помнить, что костыли – это мера вынужденная и временная. Ходить всю жизнь с костылями только потому, что когда-то у тебя была сломана нога, бессмысленно.

– Насколько я понимаю,– Тарс вскинул голову,– дело тут не только в том, чтобы сбросить груз ответственности на кого-то более могущественного. Между эгрегором и его адептом постоянно идёт энергообмен. При этом эгрегор не только питается энергией поклонения, но и может подпитывать своих членов из, так сказать, общественных запасов. В отдельных случаях эта подпитка может быть настолько мощной, что способна творить настоящие чудеса.

– Да, это верно,– согласился Антон,– правда, в этой схеме есть два неприятных момента. Первое – это то, что мощная подпитка осуществляется эгрегором не потому, что адепт о ней попросил, а потому, что самому эгрегору это понадобилось по каким-то причинам. То есть инициатива остаётся за эгрегором, как бы адепт ни нуждался в помощи. Помимо этого, нужно всегда помнить, что даром в этой схеме ничего не получишь, за эгрегориальную поддержку придётся расплатиться полным или частичным отказом от свободы воли, поступиться, так сказать, своими правами.

– Так чего ж тут странного,– опять влез гном, позабыв о своих обидах,– каждая услуга должна быть оплачена.

– Ага, только не каждый согласится платить своей свободой за комфортное существование,– в тон ему ответил Антон. – Тут нужно соотносить полученные блага с ценой. Как говорится, каждый сам выбирает, на каком дереве его повесят.

Разговор постепенно перешёл на тему жизненных приоритетов, все норовили высказаться по вопросу «кому что дороже» и вроде бы совсем позабыли, с чего всё началось. Только Сабин упорно обдумывал какую-то идею и в общем обсуждении не участвовал. Наконец новая интересная мысль, видимо, пришла в его мудрую голову, и он решил нарушить молчание.

– Интересно, а от чего эгрегор может погибнуть? – задумчиво произнёс он, возвращая разговор к исходной точке. – По идее, тот, кто его создал, должен иметь возможность его уничтожить.

– Думаю, ты прав,– согласился Антон,– Создатель всегда имеет возможность уничтожить своё творение, по крайней мере, пока оно не обрело свой собственный ум. А вот после обретения самостоятельности желания и намерения эгрегора могут уже и не совпадать с исходным планом его создателей.

– Прикольно,– отозвался Вертер,– значит, в один прекрасный момент верующие запросто могут столкнуться с существом, которому их чаяния до фени, типа, у него свои планы

на жизнь.

– Верующие – это ещё полбеды, – вздохнул Атан-кей, – эгрегору они нужны для подпитки, так что ему просто невыгодно разрывать с ними взаимоотношения. А вот своих создателей, став самостоятельным, эгрегор запросто может послать в даль, а то и схарчить, чтобы не мешались под ногами со своими претензиями.

– Поэтому создатели не должны допускать излишнего развития сознания эгрегора, – сделал логичное заключение Сабин. – Теперь понятно, почему все эти эгрегоры такие молодые, им просто не дают повзреть.

– И как же происходит смерть эгрегора? – Лика оглядела сидящих за столом испуганными глазами. – А если, например, эти непроницаемые эгрегоры погибнут, что станется со всеми сознаниями, которые сейчас заключены внутри?

– Ничего хорошего, – угрюмо отозвался Сабин. – Если они категорически не признают реинкарнацию, то не смогут перевоплотиться, так и зависнут в Реальности посмертия, пока какая-нибудь счастливая случайность их ни выдернет.

– Это ужасно, – всплеснула руками Марика, – эти эгрегоры ни за что нельзя разрушать.

– Я и не собираюсь, – огрызнулся Сабин, – а вот насчёт их создателей не уверен. И как им помешать, если они на такое решатся, тоже не понимаю. Кстати, я не считаю, что пребывание внутри замкнутого эгрегора чем-то лучше пребывания в Реальности посмертия. В последнем случае есть хоть ка-

кой-то шанс на перевоплощение.

– Мне кажется, мы сейчас не о том думаем,— остановил дискуссию Антон. – Ты мне лучше вот что скажи, брат, а каким образом эти замкнутые эгрегоры перехватывают у тебя управление сознаниями умерших.

За столом наступила гнетущая тишина. Сабин упёрся взглядом в стол, его лицо отражало смесь недоумения и напряжённой работы мысли.

– Это совершенно невозможно,— уверенно заявил Демиург после минутного размышления,— алгоритмы перехода в Реальность посмертия работают надёжно и однозначно.

– Так поди, у тебя там программный сбой случился, а Сабин,— предположил гном. – А ты тут нам из мухи слона сотворил.

– Или вирус завёлся,— добавил Вертер.

– Может быть,— задумчиво произнёс Сабин,— спасибо за подсказку.

– Это, правда, никак не разрешает проблему существования самих замкнутых эгрегоров,— заметил Атан-кей,— но, по крайней мере, делает её менее острой, если, конечно, ты отыщешь неисправность, Демиург.

– Я отыщу,— Сабин самонадеянно ухмыльнулся.

Настроение Демиурга явно улучшилось, он словно бы уже позабыл, как совсем недавно так же самонадеянно обещал Вертеру поискать рай и ад в своём мире, будучи абсолютно уверенным, что ничего подобного не существует и суще-

ствовать не может. А поди ж ты, нашёл.

Утро было пасмурным, мелкий холодный дождь барабанил в стекло, сквозь задёрнутые шторы в спальню едва сочился мутный серый свет. Открывать глаза не хотелось. Кора подумала, что если ещё немножечко полежать неподвижно, то запросто можно соскользнуть обратно в сон, но что-то ей мешало, не давало вернуться в блаженное ничто. Нет, это был не звук и не запах, а что-то более тонкое, едва уловимое. Отчаявшись разобраться, соня приоткрыла один глаз и сразу поняла, что её разбудило. Зандер сидел в кресле и не отрываясь смотрел на свою женщину. В его взгляде было столько нежности, что Кора даже сквозь дрему ощутила волну тепла, идущую от её любимого ура.

– Тяжело просыпаться в такую погоду,– с сочувствием произнёс Зандер. – Давай я тебе помогу, закрывай глаза,– он подошёл к постели и взял Кору за руку. В следующий момент комнату залило ярким солнечным светом, даже сквозь прикрытые веки женщина почувствовала его жар. Она беззаботно улыбнулась и открыла глаза.

Коре и раньше приходилось жить с урами, вернее, с Творцами, как их называли в её прошлой жизни, так что к чудесам ей было не привыкать. Вот только раньше никто не устраивал этих чудес специально для неё, а Зандер игрался в волшебника, как мальчишка, сюрпризам и неожиданным подаркам не было конца. Кора отлично понимала, что

в этом нет её персональной заслуги, просто за последние десятки воплощений Зандер впервые получил доступ к неиссякаемому источнику энергии, которым была веннская женщина, и наслаждался вновь обрётённым могуществом с детской непосредственностью. После первого знакомства на так и не состоявшейся лекции молодого профессора Зандер с Корой не сговариваясь оставили Университет, а уже через месяц Кора переехала в поместье своего возлюбленного.

Поместье было большое и старинное, однако оно совсем не напоминало замок с высокими стенами, сторожевыми башнями и заполненным водой рвом, это был просто красивый просторный дом. Кстати, замков в Империи было очень много, поскольку каждый мало-мальски состоятельный клан имел подобное архитектурное излишество у себя на балансе. Жить в этих массивных древних сооружениях было непросто, сквозняки и отсутствие элементарных удобств превращали жизнь обитателей в ежедневную изощёрённую пытку. Но на что только не пойдёшь ради престижа? Правда, в последние годы владельцы замков начали потихоньку облагораживать внутренние помещения своих каменных бастионов свободы, а то и пристраивать к ним современные здания со всеми удобствами. Но так было далеко не везде, большинство кланов продолжали стоически сносить статусный дискомфорт и даже умудрялись гордиться своей неприхотливостью.

Дом Зандера в противовес традиции сразу строили не для

престижа, а для комфорта. В нём были просторные тёплые комнаты, много света и ярких красок, а ещё тут было очень уютно. Зал для приёмов имелся всего один, и использовалось это пафосное помещение очень редко. Остальные комнаты были обустроены таким образом, чтобы не давить на обитателей размерами и монументальностью, а напротив, создавать ощущение интимности и расслабленности. Строение окружал большой, немного запущенный сад, который постепенно переходил в дикую дубовую рощу. За рощей вообще никто не ухаживал, но могучие деревья сами позаботились о том, чтобы избавиться от подлеска, поскольку напрочь заслонили своими кронами солнечные лучи, так что гулять в роще было одно удовольствие. Зато прямо перед домом располагались ухоженные аллеи, декоративные деревья и кустарники, зелёные лужайки пестрели цветами, и увитые плющом беседки манили отдохнуть.

В целом, кто-то весьма профессионально потрудились, чтобы предоставить обитателям поместья максимум комфорта. И всё же возраст дома постоянно напоминал владельцам о том, что ничто не вечно, без ремонта не проходило ни единого дня, и соответствующее звуковое сопровождение, типа ударов молотка и визга пилы, давно уже превратилось в привычный фон. Но обитатели поместья не роптали, возможно, просто перестали его замечать. Кору подобный фатализм сильно озадачил, ведь Зандер явно был человеком не бедным. Отчего же он так упорно держался за это рассыпа-

ощее строение?

– Я привык, – просто ответил хозяин на её вопрос, – я живу в этом доме уже с десятков своих воплощений. Понимаю, дом довольно ветхий, но ты потерпи, скоро всё изменится. Дай мне только набраться сил.

Обещанные изменения случились через пару месяцев после этого разговора. Однажды Кора проснулась утром в обновлённом, нет, практически новом доме. Она с любопытством осмотрелась и расхохоталась. Шокированный такой реакцией Зандер обиженно поморщился, он явно ожидал чего-то другого, может быть, удивления или восхищённых возгласов, но уж никак не смеха.

– Ты – вруша и к тому же хвастунишка, – с укором заявила насмешница. – Зандер, я почти тысячу лет прожила в мирах Творцов. Неужели ты решил, что я не отличу плод твоего воображения от базовой Реальности?

– Ты никогда не рассказывала раньше, – удивился пойманный на вранье ур. – Я не понял, это твоё предыдущее воплощение длилось целую тысячу лет?

– Да, так получилось, – потупилась Кора. – Почти всё это время я жила с венном, обладавшим силой Создателя, а когда он развоплотился – то с его сыном, который был Творцом.

– А кто такие Творцы? – заинтересовался Зандер.

– Вы сейчас их называете урами, управляющими Реальностью, – пояснила Кора, – а раньше их называли Творцами.

– Когда это раньше? – продолжал допытываться ур.

– Я не знаю, милый, – Кора смущённо улыбнулась, – наверное, я очень долго не воплощалась, мир так сильно изменился. Видишь ли, я ведь была самоубийцей.

Зандер застыл с открытым ртом. Он и представить себе не мог, чтобы его весёлая, шаловливая возлюбленная могла в прошлой жизни покончить с собой. Сам он тоже окончил прошлое воплощение, добровольно пожертвовав своей жизнью, и сделал это, чтобы спасти другую жизнь, а возможно, и весь этот мир, но самоубийством его смерть назвать было никак нельзя.

– Не смотри на меня так, – жалобно попросила Кора, – я совершила ошибку, приняла за любовь то, что любовью не было. Теперь-то я понимаю, что глупо было ждать любви от мужчины, который от тебя зависит. В мире веннов взаимная любовь вообще невозможна.

– Кора, детка, зачем ты так? – ошарашенно пробормотал Зандер. – Это в тебе просто говорит трагический опыт прошлого. Если твои мужчины не были способны любить, это вовсе не значит, что все венны такие.

– Перестань, Зандер, – Кора покачала головой, – в обществе веннов женщина – это просто вещь. Да, вещь очень ценная, её берегут, о ней заботятся, хранят верность, её даже по-своему любят, наверное, но не как личность, это точно.

– Дай мне шанс, – голос Зандера сделался серьёзным, – я докажу тебе, что ты ошибаешься.

– Тебе не нужно ничего доказывать,– улыбнулась Кора,– я вовсе не страдаю от этого, мне достаточно того, что я сама тебя люблю.

Этот разговор произошёл около года назад, и больше к скользкой теме, касающейся способности веннов любить, они не возвращались. Кора вскоре выкинула из головы мысли о несовершенстве веннского общества, а вот Зандера, как выяснилось, её слова задели за живое. Но, как истинный венн, он не стал бить себя пяткой в грудь и доказывать с пеной у рта несправедливость обвинений. Вместо этих эффектных, но бессмысленных жестов, он попытался всерьёз разобраться в собственных чувствах, иначе говоря, измерить логикой то, что не поддаётся измерению, и, естественно, потерпел поражение.

Чем глубже многомудрый ур погружался в дебри иррационального, тем яснее ему становилось, что поставленная задача просто не имеет решения, по крайней мере, теми средствами, что были доступны интеллекту. Этот удручающий вывод на некоторое время погрузил исследователя в депрессию, он начал подолгу висеть в своём кабинете, потерял сон и аппетит, по ночам его начали мучить кошмары о том, как Кора его бросает. К счастью, долго фрустрировать Зандеру не позволили обстоятельства, резко изменившие их с Корой жизнь. Игре в Реальность вообще наплевать на наши планы, у неё имеется свой сценарий, против которого бессильны самые изощрённые способы защиты.

Обстоятельства на этот раз приняли облик посыльного из соседнего поместья. Дело в том, что рядом с поместьем Зандера располагались владения одного из могущественных кланов Империи, клана Заккари. Соседи отлично ладили, никаких разногласий между ними не было, а были комфортные для обоих правителей приятельские отношения. Всё изменилось в один момент, когда старый глава клана умер, оставив свой титул и земли старшему сыну. И тут началось. Новый глава клана вовсе не был безусым пацаном, от которого можно было бы ожидать экстравагантных выходов, однако порядки, которые он завёл, вступив в права наследования, были, пожалуй, похлеще юношеского безрассудства. Старинный замок в считанные месяцы превратился в военный лагерь. Гарнизон крепости начал быстро расти, пока не достиг сотни отборных бойцов, что было явно избыточно для её охраны. Очевидно, у наследника были не слишком миролюбивые планы на жизнь, связанные, скорее, с экспансией, нежели с защитой.

Избыток мужского населения в ограниченном пространстве замка вскоре начал проявляться со всей определённо-стью. Молодые и безбашенные парни вовсе не собирались вести монашеский образ жизни. Несмотря на изнурительную муштру, время от времени им нужно было выплёскивать свою молодецкую удаль, тем более, что их начальник, а по совместительству глава клана, с удовольствием присоединялся к загулу. Буйная ватага регулярно устраивала попой-

ки, превращая замок в бордель, охоты и пиры сменялись гонками на акселях, причём вовсе не по дорогам, отчего фермерские поля приходилось засеивать по новой. Впрочем, нужно отдать должное мастеру Заккари, за все художества своей банды он платил и притом весьма щедро, так что до судов дело не доходило. И откуда только у него бралось столько средств?

А богатства клана росли день ото дня. Это было заметно по тому, как отремонтировали замок, плюс возвели новую современную пристройку, как обновлялся парк транспортных средств и вооружение гарнизона, а ещё по размаху пиров, которые регулярно закатывали в поместье Заккари. Время от времени у соседей вдруг наступало затишье, всё мужское население, включая главу клана, снималось с места и отправлялось куда-то путешествовать. Походы обычно длились от недели до нескольких месяцев, и обратно в замок возвращались далеко не все путешественники. Было очевидно, что эти вылазки вовсе не имели целью развеяться, и Зандер не без оснований подозревал, что именно они служили источником богатств его соседа.

Впрочем, на моральную сторону жизни владетельного лорда безразличному к политике и светской жизни уру было глубоко наплевать, лишь бы выходы буйной ватаги не затрагивали его частную жизнь. И до поры до времени было именно так, пока в один несчастливый день в ворота его усадьбы ни постучался посыльный с приглашением на помолвку

Кайдена Заккари с наследницей ещё одного соседнего клана Ираидой Сетриг. Отказаться было себе дороже, так можно было запросто напороться на смертельную обиду с соответствующим продолжением в виде небольшой, но кровопролитной войнушки, и, скрепя сердце, Зандер принял приглашение. С этого увеселительного мероприятия и начались все дальнейшие неприятности.

Зандер сотворил для своей спутницы скромное, но изысканное платье из тёмно-синего атласа, в тон к её глазам. В дополнение к платью шёл сапфировый гарнитур на белом золоте и синие бархатные туфельки, тоже украшенные мелкими сапфирами. Когда Кора нарядилась во всю эту красоту, у самодеятельного дизайнера женских нарядов натурально перехватило дыхание. А вот на саму Кору переодевание не произвело никакого впечатления, она равнодушно глянула в зеркало и перевела вопросительный взгляд на Зандера.

– Милый, ты уверен, что мне необходимо таскать на себе целое состояние? – озабоченно спросила она, – никто же не знает, что ты можешь наделать таких украшений, сколько захочешь.

– А что тебя смущает? – удивился Зандер.

– Ты же понимаешь, что в этом обществе есть свои неписанные правила, – Кора снисходительно улыбнулась. – Мы ведь официально не женаты, значит, у меня статус твоей любовницы, а на любовницу не надевают ювелирную лавку.

Зандер ненадолго задумался и понял, что Кора абсолют-

но права. Тот факт, что женщина венна была для него всем, гораздо важнее жены и любовницы вместе взятых, пониманию местного сообщества было недоступно. А значит, Кора окажется на этом балу в положении содержанки.

– Давай поженимся,– резво предложил ур,– прямо сейчас.

– Так будет ещё хуже,– Кора уверенно помотала головой,– тебе по статусу не положено жениться втихомолку, соседи затаят обиду. Давай лучше ты пойдёшь один.

Зандер бросил восхищённый взгляд на изящную фигурку в синем и искренне подивился равнодушию своей женщины к вниманию окружающих. Неужели ей самой не хочется произвести фурор в высшем свете?

– Нет, так тоже не пойдёт,– между тем продолжала рассуждать Кора,– все же знают, что я тут у тебя живу. Моё отсутствие придётся чем-то обосновать. Может быть, болезнью?

– Милая, мне плевать на мнение этих надутых индюков,– заявил Зандер,– и без тебя я никуда не пойду, пусть удавятся.

Кора удивлённо поглядела на своего мужчину, по её мнению, проблема не стоила даже обсуждения, тем более, что балы и внимание других мужчин были ей совершенно безразличны, ей вообще не нравились люди. А венн в этом мире имелся только один, и он уже принадлежал ей безраздельно. Так какой же смысл красоваться перед светскими львами? Только злить их львиц. Но Зандеру почему-то было важно, чтобы она его сопровождала. Странно, конечно, но чего ни

сделаешь ради любимого. Только нужно всё обставить так, чтобы её персона вызвала как можно меньше вопросов и пересудов.

– Я придумала,– радостно заявила Кора,– давай, я буду твоей сестрой, можно даже не родной, а кузиной, например. Мы ведь похожи внешне, ни у кого даже сомнений не возникнет.

Зандер немного поворчал, но не мог не согласиться, что в предложении Кору есть здравый смысл, статус родственницы отлично защитит её от сплетен и оскорбительного поведения высшего общества. На том они и порешили, и сами не заметили, как попали в свою же ловушку. Слишком поздно заговорщики сообразили, что красавица-сестра высокородного ура станет лакомым призом для молодых и азартных гвардейцев Заккари. Едва завидев синеокою красотку, те словно с цепи сорвались. Зандера моментально оттеснили от его так называемой сестры, и Кора оказалась в окружении незнакомых, но очень докучливых мужчин. Однако вскоре выяснилось, что навязчивые ухаживания бравых молодцов – это было ещё полбеды, настоящая беда случилась, когда на Кору обратил внимание сам жених.

На Кайдена явление веннской красавицы произвело впечатление удара молнии. Взгляд её синих глаз словно бы парализовал бывалого воина и повесу. Тот как раз что-то отвечал на поздравление отца своей невесты, когда Кора появилась в поле его зрения. Заметив её, жених замолк в середине фра-

зы, его взгляд приклеился к лицу незнакомки, словно беднягу Кайдена околдовали. Попытавшаяся сгладить неловкость Ираида только всё испортила, обратив внимание собравшихся на неестественное поведение хозяина замка. Молчаливая сцена затягивалась, и Зандер на полном серьёзе уже начал подумывать, а не трансгрессировать ли им с Корой обратно в своё поместье, но в этот момент Кайден пришёл в себя и, включив дурака, обратил инцидент в шутку.

Веселье пошло своим чередом, гости, как водится, напились и выкинули из головы нелепое поведение жениха. Невеста сделала вид, что ничего не произошло, и продолжила с милой улыбкой принимать сыпавшиеся на неё поздравления и комплименты. Кайденовы гвардейцы, окружив Кору плотным кольцом, резво принялись ухаживать за «сестричкой» Зандера. Бедняжка, не ожидавшая такого напора, поначалу растерялась, но вскоре взяла себя в руки и вступила в игру, виртуозно отшивая наиболее активных поклонников. Вечеринка постепенно набирала ход, словно заведённая пружина, она раскручивала кольца тугой спирали, вовлекая всё новых участников в свой суматошный хоровод. Вино лилось рекой, горы закусок сметались со столов как ураганом, от громкой музыки и весёлых голосов, казалось, можно было оглохнуть.

И только двое мужчин никак не участвовали в этом празднике жизни. Зандер молча проклинал себя за то, что не внял голосу рассудка и не отправился на праздник в одиночестве, а Кайден вообще пребывал в состоянии, близком к трансу,

он молчал и только загадочно улыбался, украдкой следя глазами за дамой в синем. К счастью, всё когда-то заканчивается, закончился и этот выматывающий вечер. Кора так устала, что, когда Зандер перенёс её домой, заснула чуть ли не стоя. А на следующее утро был дождь, и так не хотелось просыпаться. Пришлось уру переместить свою женщину в сотворённый им мир, где дом был как с иголки, и вечно светило солнце. Ему было стыдно за то, что он заставил Кору весь вечер отбиваться от поклонников.

– Если хочешь, можешь меня побить, – смущённо произнёс Зандер, – я теперь всегда буду делать только то, что ты одобришь.

– А можно я лучше тебя поцелую? – Кора хитро стрельнула глазками из-под полуприкрытых век. – По-моему, ты уже сам себя побил так, что живого места не осталось.

Зандер шустро скинул халат и одним движением запрыгнул к ней под одеяло. Они провели в постели всё время до обеда и поэтому не сразу узнали ошеломительную новость, которая разнеслась по округе словно лесной пожар. Кайден Заккари расторг помолвку. Не успели венны переварить это странное и тревожное сообщение, как у ворот поместья показалась повозка, полная красных роз. Записки при цветах не оказалось, но имя отправителя и так не составляло никакой тайны. Оставалось только ждать его самого с визитом.

18 день изека, 786 год от Исхода

Привет, дневничок. Пора бы мне бросить это детское

развлечение, Рыбий Глаз меня уже не достанет, да и папа, наверное, не станет настаивать, чтобы я продолжала рефлексировать на твоих страницах. Но за эти два года я как-то к тебе привыкла, вот даже кожаную обложку для тебя сделала, собственными руками, между прочим. Подсела, так сказать, на графоманство, как на наркотик. А почему, собственно, я должна себе отказывать в этом маленьком удовольствии? Других-то удовольствий у меня практически нету. Вот опять я вру, скорее, даже кокетничаю, мол, я такая забитая, несчастная студенточка, погребённая под ворохом манускриптов и практически приросшая попой к стулу в читалке. Ага, как же, да у меня жизнь бурлит как кипяток в чайнике. Но обо всём по порядку.

По возвращении из поместья Закарри мой непутёвый уха-жёр с порядком потрепанным самолюбием решил срочно восстановиться в правах на моё внимание к его неаппетитной особе. Представляешь, дневничок, мастер Люк не поленился нанести мне визит прямо в университетском городке. Прикатил туда на громадном фангере, вроде как он тоже потомок древнего рода. Курам на смех, да у нас крутыми тачками вся стоянка при общаге забита. Не учёл наш амбициозный соискатель, в каком заведении я учусь, тут только на моём курсе пятеро деток членов Совета кланов. Люк, разумеется, сразу осознал свой косяк, но сделал вид, что гонять фангер через полстраны – это для него дело обычное, типа, у них в семье так принято.

Ладно, я прикинулась, что не заметила его смущения, и мы отправились в ближайший городок прогуляться. И вот сидим мы в дорожном ресторане, пьём вино по цене моей двухмесячной стипендии за бутылку, все на нас смотрят как на беглецов из дурки, а мой ухажёр тут заводит разговор про свою семью. Начал-то он вроде бы вполне нейтрально, рассказал, почему его родители расстались, как так вышло, что он практически не общался с отцом, пока тот был жив. В сущности, банальщина, неудовлетворённые амбиции и глупые обиды.

Очень скоро мне сделалось скучно, и я налегла на алкогольное сопровождение этой непрошенной исповеди. А вино-то оказалось с подвохом, ударило в голову и отключило моё здравомыслие напрочь. В итоге, я попыталась вклиниться в муторный поток Люковых откровение, и чёрт меня дёрнул за язык сказать, какой крутой у него братец. Ещё не закончив свой невинный комплимент, я пожалела, что вообще раскрыла рот. Кто бы мог подумать, что в этом интеллигентном юноше может быть скрыто столько желчи. Люк принялся брызгать ядом, что твоя виверна, таких выражений я от него сроду не слышала, а некоторые вообще услышала впервые в жизни.

Понятное дело, ничего содержательного в этом ядовитом потоке не было, но одно обстоятельство всё же привлекло моё внимание. Оказывается, могучий глава клана Заккари так и не получил высшего образования, причём по

банальной причине, его отчислили со второго курса, так как он не смог освоить даже азов трансгрессии. Тут мне сделалось совсем грустно, у меня ведь та же проблема, ну не вижу я этих альтернативных Реальностей, хоть тресни, про то, чтобы туда перемещаться, и говорить не приходится. В остальном всё в порядке, а тут просто тупик какой-то.

– Значит, у Кайдена совсем нет никаких способностей к магии? – спрашиваю я невинным голоском, и тут Люк меня окончательно огорошил.

– Нет, – отвечает мой ухажёр, – у него сейчас уровень магистра магии. Каким-то образом Кай вдруг резко рванул вверх, стоило ему вернуться обратно в замок.

А вот это уже совсем интересно. Представляешь, дневничок, оказывается у Люкова брата имеется способ обрести силу, причём не хилую такую. От уровня магистра до ура рукой подать. Нет, я на магистра не претендую, мне бы сдать экзамен по трансгрессии, чтобы меня не отчислили. Увы, никакой дополнительной инфы про столь замечательный способ обрести могущество вытянуть из Люка не удалось. Я думаю, он просто и сам ничего не знает. Но и на том спасибо, зацепка, что надо. Пришлось позволить невольному информатору ещё разок меня поцеловать в качестве поощрения за полезное сообщение.

Распрощавшись с Люком, я чуть было ни сорвалась в поместье Заккари. Не то чтобы Кайден был мне чем-то обязан, но упускать такой шанс было глупо. А вдруг ему за-

хочется проявить великодушие и поделиться своим методом? Ну или за какие-то услуги. Хотя, если честно, дневничок, какие-такие услуги может оказать безродная девушка богатому вельможе, кроме интимных. А на фигу такому красавцу интимные услуги неопытной малолетки? У него, наверное, очередь из благородных девиц, желающих запрыгнуть в его постель, длинной в милю. Это если не считать законной невесты из соседнего поместья. И всё же я поехала, правда, дождалась окончания сессии. Сейчас я уже и сама не отвечу, что меня тогда подтолкнуло, то ли необходимость сдать экзамен, то ли таки призрачная возможность того самого интима. В общем, запретила я себе думать на эту тему, стыдно было.

Дорога до замка Заккари заняла у меня практически сутки. Можно было, конечно, воспользоваться общественным транспортом, но я поехала на дарёном акселе. Во-первых, уж больно мне хотелось его обкатать по полной, а во-вторых, надо же было продемонстрировать дарителю, как я ценю его подарок. Добралась я до поместья еле живая от усталости и здраво рассудила, что являться в таком замызганном виде пред светлые очи магистра просителю не пристало. В общем, тормознула я в соседнем городке, сняла номер в трактирчике прямо на главной площади, цены тут, по сравнению с университетскими, были вполне доступные, и вырубилась, даже не добравшись до ужина.

Нужно сказать, что мне круто повезло. Как я позже вы-

яснила, именно в тот вечер в поместье моего магистра как раз отмечали его помолвку. Представляешь себе, дневничок, хороша бы я была, явившись к Кайдену прямо посреди праздника. Здравсьте, вам малолетние любовницы не требуются? Стыдобщица. Но судьба была ко мне милосердна, избавила от позора. А вот с транспортом я явно перемудрила, не рассчитала свои силы. В результате, завтрак, как и ужин прошёл без меня. Проснулась отчаянная гонимая только к полудню, да и то только потому, что на улице поднялся какой-то непонятный переполох. Выглядываю я в окно и вижу умопомрачительную картинку. Прямо через площадь идёт белый как снег пони, запряжённый в повозку, доверху наполненную красными розами. На козлах сидит розовощёкий парнишка лет пятнадцати в алом костюмчике. Ну чистый херувимчик.

Народ столпился на площади поглазеть на такое диво дивное, шум поднялся такой, что о продолжении сна не могло быть и речи. Я, если честно, последний раз видела пони в зоопарке, да и то в клетке, а конные повозки ушли в небытие, наверное, не меньше сотни лет назад. Про розы я вообще молчу. Пришлось быстренько привести себя в порядок и спуститься вниз, чтобы выяснить подробности происшествия. Что-то мне подсказывало, что без мастера Кайдена тут не обошлось. И точно, пока я запихивала в себя сэндвич с сыром и заливала его солидной дозой кофе, разговоров в таверне только и было, что про помолвку в замке Заккари.

Оказывается, в невестах белобрысая Ираида проходила совсем недолго, не далее, как два часа тому назад, Кайден расторг помолвку. По поводу того, кому предназначалась целая гора цветов, мнения обедающих разделились. Одни считали, что это знак извинения за расторжение помолвки, а другие полагали, что у бессовестного повесы резко завелась новая пассия. Первая версия показалась мне мало убедительной. Красные розы в качестве компенсации за отставку женщинам не подгоняют. Тут гораздо больше подошло бы скромное колечко стоимостью, как два моих акселя. Новая пассия была более вероятна. Эх, не успела я вклиниться между двумя его тёлками. Ну да ладно, мне бы только поговорить с этим ловеласом, а вдруг у него найдётся местечко для послушной ученицы.

Завожу аксель и несусь догонять цветочную повозку. Оказалось, что езды было всего ничего, за ближайшим леском обнаружилось ещё одно поместье, правда, не замок, а просто большой дом. Я успела как раз вовремя, чтобы увидеть, как повозка проехала в ворота. И что дальше? Постучаться и спросить, не здесь ли проживает красotka, пленившая мастера Кайдена? Бред. Ехать обратно в замок Заккари? А что, если обожатель явится сюда вслед за своим подарком? Логичнее всего было немного подождать и посмотреть, как будут развиваться события. В общем, за-таскиваю я своё транспортное средство в придорожную ро-щицу и с комфортом располагаюсь на отдых в мягкой трав-

ке, благо догадалась захватить из трактира ещё пару бутеров и бутыл с водой.

И что ты думаешь, дневничок, твоя хозяйка оказалась совершенно права. Не прошло и часа, как на подъездной дороге началось натуральное светопреставление. По-моему, в гости к прелестнице намылилась вся гвардия мастера Кайдена в полном составе. Четыре крутых фангера и с десятков акселей неслись с рёвом к возжеленным воротам, словно за ними гналось полчище злых духов. Вот это сватовство, это я понимаю, королевский размах. Я сразу подумала, что сегодня не лучший день, чтобы проситься к магистру в ученицы, ему будет явно не до меня, лучше вернуться в гостиницу, а то и вообще свалить домой и выбрать более подходящий момент для подката. Но что-то меня всё-таки тормознуло, захотелось досмотреть спектакль до конца. И, как выяснилось, не напрасно, всё-таки интуиция у меня неплохо работает.

Где-то минут через сорок ворота поместья снова отворились, выпуская неожиданных гостей. На этот раз ехали они медленно, без звукового сопровождения. Неужели красавчик получил отлуп? Да быть того не может. Хотелось бы мне посмотреть на эсеницу, способную послать Кайдена в пещее эротическое путешествие. С одной стороны, это неплохо, что магистр оказался временно свободным. Тут бы мне и подсуетиться со своей просьбой, но, по всему, настроение у него сейчас должно быть поганое, откажет сходу, даже

не вникнув в суть.

В итоге я решила не светиться и спряталась за дерево. Но он всё равно заметил, скорее, даже не меня, а красный аксель. Средний фангер притормозил, и глава клана соизволил вылезти на обочину. Пришлось мне тоже покинуть своё убежище. Стою я перед ним красная как рак и что-то там блею про случайную встречу, а он смотрит на меня эдак насмешливо и усмехается, потом натурально берёт меня за плечи и усаживает в свою тачку, а один из его гвардейцев пристраивается в сопровождение на моём акселе.

– Что у тебя стряслось, Рэй? – спрашивает меня Кайден, как только фангер тронулся с места.

И тут я плюнула на все эти светские приличия и честно ему всё рассказала. Он слушал не перебивая, а потом улыбнулся так, что я аж вспотела.

– Возможно, я смогу тебе помочь, – говорит, – только не сегодня. Переночуй в замке, а завтра мы обсудим твою проблему.

Меня, понятное дело, уговаривать было не нужно, от счастья в моём животе бабочки порхали. Пока мы ехали, Кайден больше не произнёс ни слова, только улыбался, но как-то совсем не радостно. Ну ещё бы, даже не знаю, что бы я делала, получив отлуп после того, как разорвала помолвку и послала предмету своего обожания повозку с розами. Бедняга, жалко его просто до слёз.

И вот я снова поселилась в своей прежней комнате, сиюзу

у окна, строчу в дневник, потому что спать не могу от полного сумбура в голове. Что же будет завтра? Суматошные мысли гоняются друг за дружкой, пытаюсь выстроиться хоть в какое-то подобие порядка, но тщетно. Мне одновременно и страшно, и весело, истерический смех то и дело прорывается сквозь напускное равнодушие. А перед кем я, собственно, претворяюсь? Мне же просто хочется прыгать от счастья, от того удачного стечения обстоятельств, что привели меня в дом Кайдена. И плевать мне на его многочисленных любовниц, он мне нравится такой, какой есть. Пусть скорее наступит завтра.

Глава 4

– Сабин, ты бы хоть изредка тренировался перед зеркалом улыбаться,– проворчал гном. – Того и гляди молоко в молочнике скиснет от твоей физиономии.

Антоша демонстративно сунул нос в маленький белый кувшинчик и сморщился, словно и впрямь унюхал кислый запах. Весело щебетавшие Алиса с Ликой сразу замолчали и вопросительно уставились на поднимавшегося по ступенькам веранды Демиурга.

– Похоже, в мире Земли нет конца неприятным сюрпризам,– пронизательно заметил Макс. – Ещё какие-то непонятные эгрегоры нарисовались?

Сабин молча уселся за стол и обвёл присутствующих испытывающим взглядом, как будто пытался определить, все ли они готовы услышать трагическую весть.

– Ты наконец выяснил, кто создал те изолированные эгрегоры,– вынес приговор Антон.

Сабин опять промолчал, но на этот раз утвердительно кивнул. Алиса тут же поднялась и налила расстроенному Демиургу чаю, мимоходом она погладила его по голове, так, едва коснулась волос. Однако результат мимолётной ласки был мгновенный и весьма убедительный, Сабин расслабился и улыбнулся вроде бы даже вполне искренне.

– Лиса, тебе нужно научить своим фокусам мою Лику,–

Вертер одобрительно улыбнулся Алисе, с восторгом наблюдая за преображением мрачного Демиурга, – мне тоже порой бывает непросто расслабиться.

– Не заставляй тащить из тебя слова клещами, Бустер, – проворчал Антон, – ты ведь уже понял, как эти эгрегоры перехватывают у тебя сознания умерших людей.

– Спасибо, Лиса, – Сабин благодарно поцеловал исцеляющую ручку волшебницы, – мне уже лучше. Да, я всё выяснил, – он повернулся к брату. – Как я и предполагал, все алгоритмы перехода в посмертие работают на Земле в штатном режиме, а значит, перехватить у Демиурга сознание человека не под силу ни одному эгрегору.

– Вот любят энти венны всяческие театральные эффекты, – гном злобно зыркнул в сторону Сабина. – Чего тянешь-то, артист?

– Будешь постоянно перебивать, я вообще замолчу, – отмахнулся от надоеды Сабин. – Ладно, вот вам диагноз: в эти изолированные эгрегоры попадают вовсе не люди, вернее, туда попадают люди, только лишённые свободы воли. С точки зрения мироздания они просто чья-то собственность. Видимо, таковыми их сделали именно конструкторы этих изолированных эгрегоров, вот они и отправляются к своему хозяину после смерти.

– Ужас какой, – Алиса всплеснула руками, как крыльями, – их же нужно спасать.

Антон поманил любимую и усадил её к себе на колени,

словно хотел таким образом её защитить.

– Понятно теперь, почему воплощённые Реальности Земли не обезлюдели,— заметил он с улыбкой,— таких безвольных Игроков не должно быть особо много,— это не был вопрос, но всё же слова Создателя подразумевали хотя бы какую-то реакцию со стороны брата, однако реакции не последовало, Сабин замер, словно внезапно провалился в транс, его ничего не выражающий взгляд упёрся в стол. – Сколько? – теперь уже в голосе Антона явно слышалась тревога.

– Такое есть не во всех альтернативных Реальностях,— Демиург ответил как бы через силу,— примерно в двух десятках миров второй ветки. – Он поднял голову и обвёл тоскливым взглядом притихшее общество за столом. – От двадцати до девяноста процентов населения,— наконец объявил он.

– Да быть того не может,— взвился Вертер,— ты бы раньше заметил такое количество. А раз не заметил, значит, просто ошибся. Ты же пока совсем неопытный Демиург, Санни,— Защитник, казалось, уговаривал сам себя.

– Нет, Вер, Демиург просто физически не может ошибаться в вопросах, касающихся его мира,— Антон задумчиво покачал головой. – Он может чего-то не заметить, если не обратит на этот объект своё внимание, но уж если обратил, то ошибка исключается.

– А чёй-то так категорично,— опять встрял гном,— Демиург ведь даже не Создатель еного мира.

– Демиург и есть этот самый мир,— Антон бросил на брата

сочувственный взгляд. – Я уверен, что Бустер даже не может разделить своё сознание на личное и сознание Земли, для него это единая сущность.

– Верно,– подтвердил Сабин,– цифры правильные, не сомневайтесь.

– Так кто ж столько человек лишил всех ихних прав? – Антоша всё никак не мог смириться с услышанным. – Что за напасть такая? Откель взялась?

– Это какие-то пришельцы? – Лица с испугом уставилась на Сабина, словно ждала, что он сам сейчас превратится в пришельца.

– Выходит, альтернативщики-то не ввали,– усмехнулся Вертер,– Земля действительно захвачена, а её жители уже частично превращены в рабов.

– Эй, притормозите, философы доморощенные,– Антон поднял руку вверх, как бы останавливая поток буйной фантазии участников беседы,– лишить свободы воли насильно невозможно, это фундаментальное право любого Игрока. Его можно убить, пленить, заставить делать что-то неправильное, но отнять право распоряжаться своей сущностью – это даже Демиургам не под силу. И, кстати, даже попытка подобного насилия карается весьма сурово.

– Да, их никто не заставлял отречься от своих прав,– мрачно подтвердил Сабин,– это они сами. И сразу ответчу на ваш следующий вопрос: на Земле нету никаких пришельцев, этих бы я сразу обнаружил.

– Так это, кто ж тогда всю ту пакость сварганил? – гном упёр ручки в толстые бока. – Какой-токой злодей так над людьми измывается?

– Это сделали сами люди, – со вздохом ответил Демиург, – больше некому.

– Получается, одни люди превращают других людей в свою собственность? – Макс решил расставить все точки над ё. – А зачем им нужны эти эгрегоры в Реальности посмертия?

– Что ж тут непонятного, – скривился Вертер, – доят рабов после смерти. Энергия-то у них остаётся и после того, как они лишились свободы.

– Думаю, Вертер прав, – Сабин уныло кивнул, – всех рабов сначала доят в воплощённом состоянии, заставляя отдавать свою энергию через страдания и через сильные эмоции, вроде гнева, а после смерти уже высасывают досуха.

– И ведь этим беднягам даже в голову не приходит, что их ждёт в посмертии, – ахнула Алиса. – Рабам внушают, что они попадут в рай за то, что были послушными при жизни. Это подло.

– Тихо, не бузи, революционерка моя, – Антон ласково чмокнул Алису в макушку. – Бустер, скажи, в разных альтернативных Реальностях заражены те же самые сознания?

– Очень правильный термин, – согласился Сабин, – да, расчеловечивание, распространяется на всё новые Реальности, подобно заразе. Я следил за процессом целый месяц, этих

отказников становится всё больше. И нет, никакой корреляции между Реальностями не существует, по крайней мере, я не заметил. Сознания могут в одном мире быть свободными, а в другом свою свободу утратить.

– Сабин, а почему люди на Земле отказываются от своей свободы? – Лика озадаченно уставилась на Демиурга. – Неужели только потому, что им в тягость самим управлять своей жизнью?

– Больше похоже на аферу,– высказал предположение Макс.

– Разве это так важно? – Сабин горько усмехнулся. – Какой бы ни была причина, зараза не становится менее опасной.

– Ну не скажи,– покачал головой Вертер. – Если людишек тупо развели, то этим разводилам обязательно прилетит отлетка.

– А вот и не прилетит,– Сабин резко развернулся к Защитнику,– эти жулики ведь не совершают никакого насилия, так что закон свободы воли не нарушается. Никто же не заставляет людей верить во всякую чушь.

– Как так, не заставляет,– вскинулся гном. – Обман – это тоже насилие, токмо похитрее пистолета.

– Увы, с точки зрения законов мироздания, это не так,– Антон печально улыбнулся. – Есть разница между обманом и насилием, так как обман не принуждает. Это, как привести лошадь к водопою и заставить её пить, можно распростра-

нить заведомую ложь, но невозможно заставить в неё поверить. Никто не отнимает право людей самим во всём разобраться, а вот если им в лом напрячь свой отупевший ум, и они готовы поэтому хавать любую ложь в красивой обёртке, то кого ж винить.

– Не каждый способен устоять против грамотной манипуляции, – заметил Вертер, – уж мы-то с Максом об этом знаем не понаслышке, – он кинул насмешливый взгляд в сторону Демиурга, – да и ты, Тоха, тоже когда-то попался на Сабинины уловки. Скажешь, я не прав?

– Никто никого не обвиняет, – Антон примирительно похлопал Защитника по плечу, – обмануться может каждый.

– Да, растение бывает не виновато, что заразилось болезнью от другого растения, – согласился Сабин, – но для садовника источник заражения вторичен, для принятия решения важен лишь сам факт заражения.

– О каком решении идёт речь? – Макс бросил недоумённый взгляд на Демиурга. – Люди ведь не огурцы на грядке, их дустом не опрыскаешь.

Сабин не ответил, он сидел неподвижно и угрюмо смотрел в свою чашку.

– Бустер, ты же не собираешься устроить армагедон сразу в нескольких альтернативных Реальностях? – Антон с подозрением уставился на брата. – В этих мирах ведь полно нормальных людей.

– Когда сад заражён, то приходится сжигать все расте-

ния,— едва слышно отозвался Сабин,— и больные, и здоровые.

— Так ведь Игроки — это не растения,— повторил вслед за Максом Создатель,— они осознанны, а значит, могут в любой момент вернуть себе свои права, стóбит им только разобраться в происходящем. — Сабин промолчал, он словно бы сжался в комок, как от невыносимой боли. — Ты же понимаешь, что за это тебя самого ждёт развоплощение? — с нажимом произнёс Антон. Ответом ему опять была тишина.

— Мне одному кажется, что наш бравый Демииург явился сюда попрощаться? — Вертер ткнул поникшего Сабина в плечо. — Эй, Санни, очнись, хватит строить из себя вселенскую скорбь.

Сабин молча поднялся из-за стола и, глядя в пол, протянул руки к Вертеру, вроде как предлагая обняться на прощанье, но тот, вместо того, чтобы обнять друга, отпрянул от него, как от прокажённого.

— Я не собираюсь обниматься с типом, который планирует угробить несколько миллиардов человек,— с отвращением процедил Вертер.

Сабин отрешённо кивнул и повернулся к Антону, однако его брат тоже не сделал ни единого движения навстречу.

— Ты тоже мне руки на прощание не подашь, братишка? — с горечью произнёс Демииург. — Ладно, переживу, тем более, что недолго останется. Но тебе всё-таки придётся взять на себя управление Землёй, больше никому. Я не допущу, что-

бы погиб целый мир.

Все за столом подавленно молчали и старательно прятали глаза, смотреть на ссору братьев никому не хотелось. Даже Алиса, которая всегда защищала обиженных, на этот раз не нашла аргументов, чтобы оправдать Сабина.

– А ты не поторопился с выводами, братишка? – в голосе Антона прозвучала откровенная насмешка. – С чего ты взял, что люди сами себя обрекли на рабство и гибель? Не такие уж мы самоубийцы.

– Неужели ты думаешь, что я не убедился в отсутствии внешней агрессии, прежде чем решиться на такое?! – зло отозвался Демиург. – Разумеется, это было самое первое предположение. Но на Земле нет никаких коварных захватчиков, можешь мне поверить, люди сами уничтожают свои миры, уничтожают мой мир. Это они – главная зараза. Хочется верить, что не все люди такие, что оставшиеся Реальности избегнут участи превращения в скотобойню.

Наверное, эти слова Сабина можно было бы принять за прощание, но Демиург продолжал стоять, переводя взгляд с одного участника застолья на другого, словно ожидал, что кто-то ему возразит. Когда очередь дошла до гнома, то тот едва ни залез под стол, настолько тяжёлым был упавший на него взгляд. Остальные также старательно прятали глаза, только Антон, ничуть не смущаясь, продолжал с интересом разглядывать своего брата.

– Странно, ты ведь сам был в подобном положении, – за-

метил он, когда их глаза наконец встретились,— мог бы и догадаться, как они это делают.

— Кто они? — вместо Сабина спросил Макс.

— Те самые пришельцы,— Антон ехидно подмигнул брату.

— Ты меня не слышишь?! — взорвался Сабин. — Я сто раз проверил, нет на Земле никаких пришельцев, кроме тех, которых отстреливает Вертер, но они точно ни при чём.

— Бустер, скажи, пожалуйста,— Антон как будто не заметил возмущения брата,— мог ли бывший Демиург разделить твоё сознание и сознание веннского мстителя, когда тот захватил твоё тело?

Сабин уже раскрыл рот, чтобы ответить, да так и завис с открытым ртом. Постояв немного в этой нелепой позе, он тяжело опустился на стул.

— Эк ты злодея-то урезонил, Создатель,— тут же оживился гном. — Тоже мне, гений веннской мысли.

— Это ничего не доказывает,— Сабин резко вскинул голову, однако все заметили, что в его голосе явственно прорезались нотки сомнения, а может быть, и облегчения. Видимо, непростое решение, грозившее ему самому гарантированным развоплощение, далось Демиургу нелегко, и он с радостью готов был ухватиться за любую спасительную соломинку.

— Возможно,— не стал спорить Антон. — Тогда ответь, почему заражение затронуло только одну ветвь альтернативных Реальностей? И не говори, что им просто повезло, или

это была воля случая, ты ведь отлично знаешь, что случайностей не бывает.

Думал Демиург недолго, буквально через пару секунд он поднял голову и посмотрел брату в глаза.

– Спасибо, Ангел, – с чувством произнёс он.

Антон удовлетворённо кивнул, принимая благодарность, но так и не удосужился ничего пояснить. Остальные принялись с недоумением переглядываться, пытаясь найти объяснение этой странной сцене. Первым, как водится, не выдержал гном.

– Так эта, армагедон, что ли, отменяется, али как? – с вызовом обратился он к Демиургу.

– И причём тут первая Реальность? – тут же вклинился Макс.

Антон вопросительно посмотрел на брата, как бы предоставляя ему возможность объясниться, однако Сабин был явно не в форме. То, что он сейчас ощущал, было сродни чувству смертника, которому объявили о помиловании прямо на эшафоте. Демиурга буквально накрыло волной эйфории, он мог только отрешённо улыбаться, а вот связно говорить пока не получалось, поэтому Антон решил сам внести ясность в ситуацию.

– Тут нужно знать, как различаются две основные ветки альтернативных Реальностей на Земле, – начал он. – В первой постоянно идут клановые войны, но ничего глобального, просто кровопролитные разборки. Народ там сплошь с ору-

жием и весьма воинственный, даже женщины. Центральная власть слаба и не вмешивается. Главная ценность – это независимость, чувство собственного достоинства, персональная храбрость, ну и, конечно, сила, причём не только физическая, но и магическая.

– Дикая люди, – Макс демонстративно скривился, словно съел лимон. – А во второй?

– А во второй превыше всего ценится комфорт и удовольствия, – усмехнулся Антон, – это мир компромисса. Войны начинаются и заканчиваются, только если это кому-то выгодно, агрессивность и свободолюбие жителей жёстко подавляются. Там люди запросто могут встать на сторону врага, если это сделает их богаче или влиятельней, а трусость зачастую называют мудростью и разумным поведением. В первой Реальности даже захудалые кланы живут в полуразвалившихся родовых замках зачастую без элементарных удобств, да ещё и кичатся своей неприхотливостью, а во второй, даже имея собственный дом, жители предпочитают селиться в комфортабельных многоэтажных городских муравейниках, где не нужно самим заботиться об удобствах. Ещё не поняли? – рассказчик хитро прищурился.

– Ты хочешь сказать, что пришельцы решили не связываться с первой Реальностью? – догадался Макс. – Там слишком жёсткие условия, так?

– Я думаю, что они несомненно попробовали, но обломались, – вставил реплику пришедший в себя Сабин. – Однако

жителям первой Реальности пришлось дорого заплатить за свою свободу, они вынуждены были поголовно стать воинами, так что жизнь там опасная и, как правило, короткая.

– И как это доказывает присутствие пришельцев? – Лика с недоумением уставилась на двух братьев, объяснение Антона ей оказалось мало.

– Если бы люди сами, по собственной воле превращали свои миры в скотный двор, то это коснулось бы всех миров, – пояснил Создатель, – по крайней мере, распределение было бы более равномерное. А коли под удар попали только покладистые и склонные к компромиссу Реальности, значит, кто-то тщательно отбирал объекты для обработки.

– Так откель они заявили, те пришельцы? – гному явно не терпелось внести полную ясность.

– Скорее всего, из нашей пятимерной Реальности, – ответил Сабин.

– Ты хоть понимаешь, умник, что бы случилось, если бы ты таки поубивал всех жителей в заражённых мирах? – Вертер бросил презрительный взгляд в сторону Демиурга. – Паразитов из пятимерной Реальности этим своим армагеддоном ты бы не уничтожил, они бы отсиделись в своём родном мире, а потом, когда ты, вернее, уже твой преемник, заново заселил бы эти миры, ублюдки вернулись бы на всё готовенькое.

– Только сначала они устроили бы грандиозный пир, – с отвращением добавил Антон, – особенно, в тех мирах, где

свободных жителей осталось мало. Боюсь, ты не первый Демиург, братишка, который сгоряча решил устроить глобальную катастрофу на Земле,— он повернулся к брату и осуждающе покачал головой,— недаром в ноосфере этого мира столько упоминаний о потопе. Что делать-то собираешься?

— Для начала нужно будет найти этих пауков,— задумчиво произнёс Сабин. — Напрямую я их не вижу, поэтому придётся вычислять их непосредственно на местах. Мне бы не помешала твоя помощь, Вер,— заявил он, обращаясь к Защитнику,— но ты ведь не станешь мне помогать после всего, что сегодня произошло, так?

— Размечтался,— огрызнулся Вертер. — Я — Защитник Земли, а значит, буду защищать жителей этого мира от любой напасти, включая свихнувшегося Демиурга.

— И что бы ты со мной сделал? — ехидно полюбопытствовал Сабин.

— Убил бы прямо в твоей родимой пятимерной Реальности,— в голосе Защитник не было ни капли сомнения,— просто и без затей.

От подобного заявления Сабин чуть не поперхнулся, а потом громко расхохотался.

— Ты всерьёз решил, что справишься бы с Демиургом в его родном мире? — сквозь смех прокаркал насмешник. — Ну ты и наглец, вояка.

— Не попробуешь, не узнаешь,— беспечно бросил Ветер.

— Перестаньте, мальчики,— Лика с укором посмотрела на

задир. – Отец, скажи им.

Все взгляды обратились на Антона, видимо, в ожидании, что он сейчас обрушит на головы нарушителей спокойствия всю свою мощь Создателя, однако тот и не подумал вмешаться и уж тем более разнимать задир, напротив, на его губах появилась умильная улыбочка, с какой обычно родители смотрят на своих расшалившихся малышей. Давно уже прошли те времена, когда Сабин с Вертером регулярно схлёстывались в перепалке, что твои бойцовые петухи, теперь оба вели себя солидно и подчёркнуто дружелюбно. О прошлых словесных баталиях они старались не вспоминать, но именно эти баталии и добавляли перчику в жизнь трёх друзей.

– Как же мне этого не хватало, – наконец пробормотал Создатель. Вертер с Сабинком переглянулись и весело расхохотались.

– А мне вот любопытно, почему две ветки альтернативных Реальностей такие разные, – встрял Макс, чтобы слегка разрядить обстановку.

– На этот вопрос очень легко ответить, если сравнить соответствующие варианты проявления первого сознания, – Антон с готовностью подхватил пас.

– Это ты про Ани и ту малышку, которую Сабин так героически спасал? – уточнил Вертер. – Как её звали? Эйвис?

– Её теперь зовут Рэйен, – на губах Сабина заиграла мечтательная улыбка, а взгляд слегка затуманился, как будто имя девушки напомнило ему о чём-то очень приятном.

– Да, я про них, – подтвердил Антон, не обратив внимания на странное поведение брата. – Одна – это просто пацан в юбке, боевая, бесстрашная, решительная. Хотя нет, в юбках она редко ходит. Девчонка готова умирать и убивать за то, что считает правильным. А вторая мягкая, уступчивая, беззащитная, ищет покоя и комфорта, может позволить страху управлять своими действиями. Вот по этим ипостасям две Реальности и разошлись когда-то.

Всё время, пока брат описывал двух женщин – семян жизни его мира, Сабин так и сидел, глупо улыбаясь своим мыслям, он словно забыл, где находится, и унёсся куда-то в свои мечты. Гном бросил удивлённый взгляд на размечтавшегося Демиурга и покачал головой.

– Эй, Сабин, – он всё-таки не удержался от подколки, – ты никак влюбился. В которую из двух?

Демиург вздрогнул, улыбка тут же сползла с его лица. Глядя на его смущённую физиономию, Вертер издевательски захихикал.

– Неужто в малышку Рэй? – он соорудил сочувственную гримасу. – С Ани у тебя вроде что-то там не задалось. Или ты их обоих теперь опекаешь?

– Ничего удивительного, – беспечно прокомментировал реплику друга Антон, – это ведь одно и то же сознание, только в различных вариантах воплощения.

– Да идите вы... – огрызнулся Сабин и поднялся. – Вставай, Вер, хватит прохлаждаться, пора в очередной раз спа-

сать мир.

В приёмной Магистра Ордена было темновато, хотя за окнами во всю свою мощь жарило летнее солнце. Недостаток освещения объяснялся очень просто, все окна были наглухо занавешены плотными тёмно-красными шторами, пропускавшими совсем мало света. Оказавшись в этом помещении впервые, Кайден словно бы погрузился в чан с кровью, поскольку солнечный свет, проникая сквозь кроваво-красные занавеси, окрашивал интерьер приёмной депрессивным багрянцем. Поначалу пристрастие хозяина к красному вызывало у привыкшего к зелёным просторам парня чувство отворачивания, и визиты к главе Ордена портили ему настроение на весь день, но постепенно он привык и перестал обращать внимание на подобные странности. В конце концов, о вкусах не спорят.

Если опустить вызывающую цветовую гамму, в остальном приёмная Магистра была вполне себе обыкновенная: добротная дубовая мебель, мягкие кресла, обитые опять же красным плюшем, стол секретаря и стеллажи с папками. Впрочем, была тут ещё одна странность – полное отсутствие электричества, комнату освещали какие-то странные белые шары, вставленные в бронзовые держатели. Шары светились матовым, чуть желтоватым светом и активировались простым контактом с ладонью человека. Такой техники в мире Кайдена не существовало, ну так это и не был его мир, это

была альтернативная Реальность, в которой обитал Орден. Вот так, без названия, просто Орден.

Впервые Кайден оказался в этой приёмной примерно восемь лет назад, и привёл его сюда отец. Судя по всему, отец вовсе не планировал знакомить сына с Магистром Ордена, но обстоятельства сложились таким образом, что этого визита стало не избежать. В конце второго курса нерадивого студента с позором отчислили из Университета за неспособность к магии, которая выразилась в том, что Кайден не смог овладеть даже начальным уровнем трансгрессии. Что интересно, остальные предметы шли у него совсем неплохо, и только мгновенное перемещение оставалось для двоечника недостижимой мечтой. Он просто-напросто не видел альтернативных Реальностей.

Отчисление стало для амбициозного юноши настоящей трагедией. Он погрузился в чёрную меланхолию, сидел безвылазно в своей комнате, зализывая раны на своей потрёпанной родовой гордости, спал лишь урывками и почти ничего не ел, зато пристрастился к перебродившему соку ягод церы, а проще говоря, к алкоголю. Через месяц подобного затворничества пышущий здоровьем жизнерадостный юноша превратился в тощее пугало с вечно недовольным выражением на исхудавшей физиономии. Отец поначалу не обращал внимания на фрустрации незрелого ума своего отпрыска, но вскоре начал уже не на шутку тревожиться за его здоровье. И вот в один прекрасный день он без стука вошёл в

комнату сына.

– Собирайся,– бросил он вместо приветствия,– я договорился с Магистром, он тебя примет.

Сыночек, только что засосавший в своё нутро бокал выдержанного вина, уставился на папашу с полным недоумением, так как ни о каких знакомых магистрах отец раньше никогда не упоминал. Однако привычка повиноваться родителю, вбитая с раннего детства, причём не только ментально, но и физически, оказалась сильнее желания пострадать в одиночестве, и Кайден бодренько вскочил на ноги.

– Это место находится в альтернативной Реальности,– хмуро пояснил отец, беря сына за руку. – Закрывай глаза, я тебя перенесу.

Кайдена больно резанул презрительный тон, с каким к нему обращался отец, но в глубине души парень был согласен, что бездарность, каковой он теперь себя считал, достойна презрения, поэтому засунул своё неуместное возмущение куда подальше и послушно закрыл глаза. Вот так будущий глава клана Заккари впервые оказался в приёмной Магистра. Их там уже ждали, длинный рыжеволосый мужик, облачённый в бордовую мантию, нацепив на своё лошадиное лицо неискреннюю улыбку, провёл отца с сыном в кабинет. Кайден сразу заценил богатство убранства, особенно солидную библиотеку, состоящую сплошь из старинных фолиантов и занимавшую всю стену напротив письменного стола.

У камина в глубоком кресле сидел пожилой мужчина с

чёрными глазами и шикарной чёрной же шевелюрой. На его голове не было заметно ни одного седого волоска, хотя Кайден на вскидку определил его возраст в районе шестидесяти. Как позже выяснилось, оценка эта оказалась ошибочной. В действительности Магистру на тот момент было слегка за сотню. Впрочем, ошибка Кайдена была вполне объяснима, в его мире до столь почтенного возраста люди попросту не доживали.

После положенного по протоколу представления Магистр отослал отца, и они остались наедине. Для начала хозяин кабинета предложил Кайдену рассказать о себе, а потом усадил его в кресло напротив и попросил посидеть молча. Молчание продолжалось минут десять, и парень постепенно начал закипать. Все эти игры в таинственность уже порядком его достали, в мире Кайдена люди привыкли открыто выражать свои мысли и чувства, даже если это грозило серьёзными неприятностями, и уж точно никому бы не пришло в голову вот так нахально рассматривать отпрыска древнего рода с выражением скуки на лице.

– Кому же ты так насолил в прошлой жизни? – внезапно прервал молчание Магистр. От неожиданности Кайден вздрогнул и удивлённо воззрился на странного мужика, вещавшего о прошлых жизнях, как о чём-то обыденном. – Можешь не отвечать, – Магистр повелительным жестом остановил словесный поток, уже готовый сорваться с губ ошарашенного парня, – это был риторический вопрос.

Произнеся эту загадочную речь, он легко поднялся на ноги и прошествовал к библиотеке. Некоторое время Магистр изучал корешки фолиантов, а потом уверенно потащил на себя толстую книгу в потёртом кожаном переплёте. Он перенёс её к столу и, полистав пожелтевшие пергаментные страницы, раскрыл где-то ближе к концу. После недолгого изучения текста Магистр поднял глаза на пребывавшего в нервном ожидании просителя.

– Что ж, у меня для тебя хорошие новости, мастер Кайден, – он снисходительно улыбнулся, – я оцениваю твой уровень как довольно высокий. В моём мире подобных тебе называют Мастерами Игры, а в твоём родном – магистрами магии.

От подобного заявления Кайден совсем смутился, уровень магистра магии был лишь немногим ниже ура, управляющего Реальностью. Поступая в Университет он, если честно, мечтал лишь о том, чтобы по окончании получить бакалавра.

– Тогда почему..., – он не успел договорить, так как Магистр оборвал его на полуслове.

– Потому что твои способности заблокированы, – отрезал он, – причём очень грамотно и надёжно. Это сделал кто-то, очень хорошо владеющий техниками управления Реальностью, и сделал он это в твоём прошлом воплощении.

Лицо Кайдена побледнело, это был окончательный приговор, ставивший крест на его карьере мага. Снять блок, по-

ставленный уром, было практически невозможно, по крайней мере, в окружении его семьи таких талантов не водилось.

– Возможно, я смогу тебе помочь,– продолжал вещать Магистр, не обращая внимания на вытянувшееся лицо своего посетителя,– но понадобится время, и для тебя процедура будет болезненной и опасной. Ты хочешь, чтобы я это сделал?

Чёрные глаза внимательно разглядывали Кайдена, и было в этом взгляде какое-то непонятное предвкушение, словно парень был изысканным блюдом на обеде Магистра, которое тот собирался отведать. Кайден поймал себя на мысли, что больше всего на свете ему сейчас хочется оказаться как можно дальше от этого кабинета и его владельца. Но он тут же одёрнул себя. Перспектива без напряжения обрести немалые способности грела душу и наполняла её ничем не обоснованным оптимизмом.

– Да, я этого хочу,– слова как бы сами сорвались с его губ.

– Это будет не бесплатно,– промурлыкал Магистр.

Кайден опешил, всё имущество семьи на данный момент принадлежало отцу, у него самого денег не было. Откуда же взять средства для оплаты этой, судя по всему, недешёвой услуги?

– Мне твои богатства не нужны,– Магистр словно подслушал панические мысли своего юного собеседника,– но я попрошу тебя помогать своему отцу в выполнении его миссии.

Кайден с облегчением перевёл дух и дал требуемое обе-

щение. Вот так он и стал служить Ордену. Магистр не обманул, вновь обретенные способности оказались просто феноменальными, гораздо выше, чем даже у отца. Парень был на седьмом небе от счастья. В Университет он больше не вернулся, теперь с ним занимались братья Ордена, и прогресс был весьма впечатляющим. С Магистром он виделся редко, как правило, задания ему передавали через отца. А задания были довольно странные, смысл большинства поручений парень не понимал, но выполнял их со всем рвением благодарного адепта. И только когда отец ушёл на перевоплощение, его снова пригласили на аудиенцию к главе Ордена.

За прошедшие десять лет ни в приёмной, ни в кабинете Магистра ничего не изменилось, изменения коснулись только хозяина кабинета, он довольно сильно сдал и превратился практически в старика, что, впрочем, никак не отразилось на его величественной осанке и снисходительной манере вести беседу. Следуя милостивому жесту Магистра, Кайден уселся в кресло и старательно изобразил на своём лице вежливое внимание. Возможно, если бы он ни старался изо всех сил произвести хорошее впечатление, то трансформация, случившаяся с Магистром, прошла бы для него незамеченной. Однако вежливость требовала смотреть в лицо собеседнику, а потому он заметил, как на мгновение глаза старика сделались безжизненными, как у статуи, а потом в них появился какой-то странный зеленоватый оттенок.

– Пришло время нам познакомиться по-настоящему,–

мягко произнёс Магистр. – Моё имя Ксантипа, и с сегодняшнего дня именно так ты можешь ко мне обращаться. Я хочу, чтобы ты занял в Ордене место твоего отца, и потому тебе следует кое-что узнать о нашей работе. Ты готов, Кайден?

Потенциальный неофит неловко кивнул и с усилием задавил панику, поднявшуюся в его душе после слов Ксантипы.

– Да что это со мной? – раздражённо подумал он. – Чего я так испугался? Старика у камина?

– Что ж, давай начнём нашу беседу, – Магистр понимающе улыбнулся. – Ты знаешь, кто управляет нашим миром?

Начало было неожиданное, что называется, от печки. Кайден даже подумал, что вопрос был риторическим и не требовал ответа, однако Ксантипа молчал и выжидающе смотрел на своего собеседника, значит, отвечать всё-таки придётся.

– Создатель, – парень раздражённо пожал плечами, – кто же ещё?

– Ну что ты, – рассмеялся Магистр, и его глаза снова блеснули зеленью, как у хищника, – Создатели – существа творческие, им управлять сотворёнными мирами неинтересно. Создателям, как художникам, постоянно требуется творить что-то новое, а их мирами управляют Демиурги. Сотворив новый мир, Создатель передаёт Демиургу его образ со всеми алгоритмами, механизмами и структурой, и славный работяга старательно впрягается в рутинную работу, вместо своего более легкомысленного коллеги. Это вовсе не означает, что Демиурги по рангу ниже Создателей, они даже могут обла-

дать большим могуществом, просто у них иной жизненный путь.

– Нашим миром тоже управляет Демиург, – сделал логичное заключение Кайден.

– Разумеется, – Магистр одобрительно кивнул, – кстати, совсем недавно у нашего мира сменился правитель. Самое удивительное то, что новый Демиург когда-то был жителем Земли, такого раньше не случалось.

– Извините, Магистр, – смутился Кайден, – Вы так говорите, словно пережили нескольких Демиургов.

– Да, мой мальчик, так оно и есть, – меланхолично заметил Ксантипа. – Жизнь Демиурга обычно очень длинная, но и она конечна. Я пережил уже двоих, этот будет третьим.

От таких откровений Кайден так и застыл с открытым ртом. Представить себе, что перед ним сидит человек, переживший двух Демиургов, было очень сложно. Да сколько же ему должно быть лет?

– Ты же понимаешь, что Демиурги не являются существами из этого мира? – поинтересовался Магистр, видя, что его слова произвели шоковое впечатление. – Я и мои коллеги тоже принадлежим тому миру, в котором обитает сознание Демиурга, так что наше долголетие не должно тебя смущать.

– А кто вы такие? – наконец нашёлся Кайден. – И что вы делаете в нашем мире?

– Тихо, тихо, – Ксантипа снисходительно усмехнулся, – мы вовсе не враги человечества, наоборот, мы помогаем Деми-

ургу совершенствовать этот мир.

– А сам он разве не справляется? – Кайден с подозрением глянул на собеседника. – Это он вас попросил?

– Ишь ты, какой шустрый,– восхитился Магистр,– чуть что, сразу кусаться. Да, первая Реальность воспроизводит отчаянных бойцов. Ты мне нравишься, Кайден, и поэтому я не стану тебя наказывать за дерзость. На этот раз,– добавил он с недоброй усмешкой.

– Эх, почему я не послушался своей интуиции? – тоскливо подумал отчаянный боец. – Видимо, теперь дёргаться уже поздно. Прошу прощения, если мои слова оказались Вам оскорбительными,– с показным смирением произнёс он вслух,– мне просто хотелось понять, как Вы связаны с Демиургом нашего мира.

– Я не сержусь,– Ксантипа милостиво кивнул усмирённому строптивцу,– твои вопросы вполне правомерны. Что ж, давай разбираться. Мир Земли огромен, управлять им непросто, постоянно случаются разнообразные проблемы, требующие вмешательства Демиурга. Его задача – поддерживать равновесие, не позволять миру скатиться в неуправляемый хаос, обеспечить ему возможности для развития. Времени на то, чтобы поэкспериментировать, запустить новый перспективный проект у Демиурга просто нет. Вот тут на сцену и выходит Орден. Мы – прогрессоры, если хочешь, мы помогаем обеспечить порядок в тех Реальностях, которые опекаем, гораздо больший порядок, чем в остальных ме-

стах. Мы даём людям науку, чтобы они могли развивать новые технологии, мы также даём им религии для поддержки их духа и повышения нравственности общества.

– Странно, – Кайден всё-таки не удержался от комментария, – а в моей Реальности нет религий, да и науки, пожалуй, тоже нет, но мы же как-то существуем.

– Вот именно, «как-то», – хмыкнул прогрессор. – Не обижайся, мой мальчик, но жить в твоём мире очень некомфортно. Ты привык и уже не замечаешь, что твой мир построен на насилии, он гораздо больше напоминает дикие джунгли, чем цивилизованное сообщество. Давай я устрою тебе небольшую экскурсию во вторую Реальность, и ты сам всё поймёшь.

И он устроил Кайдену экскурсию, которая продлилась целый месяц. После бескрайних просторов и дремучих лесов своего мира чужаку было непривычно в огромных городах, где народу было не меньше, чем муравьёв в муравейнике. Но он не мог не отметить количества и качества транспорта, удобства быта даже самых низших слоёв населения, порядка, охраняемого твёрдой рукой государственных служащих. А ещё на Кайдена очень сильное впечатление произвели храмы местных религий. В сути их учений он не разобрался, но красоту ритуалов оценил по достоинству. В общем, по возвращении в Орден неопит уже был настроен гораздо позитивней по отношению к его деятельности. Возможно, в глубине души он и чувствовал какой-то подвох, но постарался выкинуть сомнения из головы, тем более, что служба Ордену

приносила неплохой доход, да и развитие магических способностей Кайдена шло семимильными шагами, так что жаловаться было совершенно не на что.

16 день сечина, 786 год от Исхода

Ну здравствуй, дневник. Вот уж не думала, что когда-нибудь снова тебя открою, после того, что случилось. Но жизнь – такая непредсказуемая штука, только держись. А началось всё с самого позорного кидалова в моей жизни. Да-да, утро, которого я ждала с таким нетерпением, наконец наступило, и мастер Кайден снизошёл до встречи со своей случайной попутницей. Случайной в кавычках, разумеется. Я, как и собиралась, поведала ему о своей проблеме с трансгрессией, а он, тоже вполне ожидаемо, рассказал, как его отчислили из Университета. А вот дальше началось самое интересное. Оказывается, Кайдену помог какой-то крутой маг из параллельной Реальности, восстановил его заблокированные кем-то способности. Правда, ритуал, через который ему пришлось пройти, был настолько страшным, что знай я об этом заранее, предпочла бы, наверное, чтобы меня отчислили. Даже спустя столько лет Кайден рассказывал о своём опыте с содроганием, представляю, каково ему было во время экзекуции.

И всё-таки я согласилась принять его помощь. Думаешь, мне так уж нужен этот Университет, эти напыщенные детки высокородных родителей? Ага, как же. А как бы ты поступил, когда тебе протягивает руку самый красивый и

сильный мужчина на Земле? Я поступила тупо и без фантазии – взяла его за руку. Страшно мне было до дрожи в коленках, наверное, это была самая кошмарная минута в моей жизни. Инстинкт самосохранения вопил как резаный, что я безмозглая идиотка, лезу чёрту в зубы, а внутри кто-то очень настойчивый твердил, что это шанс, которого упустить нельзя, если я струшу, то навсегда потеряю уважение Кайдена. В общем, я зажмурилась как перед прыжком в прорубь, стою себе, заранее переживаю, каково мне придётся. Проходит несколько секунд, и я понимаю, что торчу посреди двора в полном одиночестве, если не считать садовника, подстригающего кусты перед домом. Моего потенциального благодетеля и след простыл.

– Ну ладно, – думаю, – что-то не сработало. Сейчас Кайден это поймёт и вернётся.

Жду эдак терпеливо минут десять. Ни фиги. Чтобы не отсвечивать пугалом посреди двора, убралась в свою комнату. Как дура просидела у окна два часа, всё ждала, когда же мой благодетель хватится своей пропавшей спутницы. А потом заглядывает ко мне в комнату горничная и ехидно так интересуется, не желает ли барышня отобедать, мол, нет смысла дожидаться хозяина дома, у него свои дела, поважней развлечения навязчивых гостей. Понятное дело, я сорвалась, оседлала свой аксель и рванула домой. Летела так, словно за мной черти гнались, правда, где-то на середине пути всё же пришлось остановиться, голод, знаете

ли, не разбирает, какие там оскорблённые чувства заставляют тебя постыдиться, просто завязывает кишки узлом.

Знаешь, дневничок, это был мой персональный рекорд скорости, я добралась до Университета за двадцать часов. Представляешь, на четыре часа быстрее, чем можно было доехать даже теоретически. Вот что значит обида. Кстати, а не написать ли мне эссе на тему «обида – двигатель прогресса»? Ладно, сама понимаю, что веду себя глупо. Ну кто я ему, чтобы меня опекать, заботиться? Так, случайная знакомая, просто вовремя попала на пути как раз, когда его краля выставила женишка за дверь. Кстати, а чем он ей не приглянулся со своей цветочной повозкой? Да, дневник, ты прав, я ёрничаю, потому что мне больно. Размечталась твоя хозяйка о несбыточном, вот и поплатилась. На то оно и несбыточное, чтобы обманывать надежды навивных дуручек. Всё, хватит сопли жевать, жила я без этой самой любви и дальше проживу за милую душу, тем более, что вопрос с трансгрессией, кажется, решился сам собой.

Я ведь тебе рассказывала про моего ангела-хранителя? Так вот, этот самый ангел взял за правило навещать меня раз в месяц, типа, для проверки, причём появляется всегда неожиданно, словно из-под земли выскакивает. Вот только что никого нет, оборачиваешься, а он стоит за спиной и зыркает своими синими глазами. В этот раз Сабин застукал меня, что называется, на горячем. И мокро. В общем, рыдала я в подушку, как летняя гроза, в смысле воды

было не меньше, чем от проливного дождя. Чувствую, кто-то ласково так гладит меня по головке, естественно, подсакиваю и бьюсь затылком ему в подбородок. Эх, больно ему было, наверное, но ангел даже не поморщился.

– Сильно ударились? – спрашивает. – Давай помогу, – и кладёт руку мне на затылок.

Поверишь, дневничок, через секунду вся боль улетучилась, кстати, вместе с трагическим настроем, мне сделалось так спокойно, даже благостно. Здорово их там на небесах обучают. Выслушал Сабин мою горестную балладу про перспективу отчисления и только головой покивал, мол, согласен с моими выводами, а потом выдал мне такую инфу, что у меня аж голова закружилась.

– Видишь ли, Рэй, – говорит, – мы можем перемещаться только в те альтернативные Реальности, где наше сознание не проявлено, встретиться с самим собой невозможно. А ты ведь семя жизни, первое сознание этого мира, ты проявлена во всех Реальностях, так что для тебя все они закрыты.

Ты представляешь, дневничок, какой облом? Оказывается, я только зря носилась сломя голову через пол империи. Никакой колдун мне не поможет, законы мироздания не позволят. Я, понятное дело, совсем скисла, того и гляди снова разревусь, а Сабин сидит и хитро так улыбается, нет чтобы посочувствовать, и взгляд такой ехидный, что мне прям до судорог захотелось кинуть в него чего-нибудь тяжёлое.

Он, видимо, осознал, что его улыбочки тут неуместны, и сделался серьёзен, я бы даже сказала, показательно серьёзен.

– А как твой экзаменатор поймёт, куда ты переместилась? – спрашивает мой хранитель с невинным таким видом, словно просто из любопытства.

– Никак, он ведь за мной не последует, – отвечаю я, а сама уже начинаю догадываться, куда он клонит.

– Ты всё правильно поняла, Рэй, – ухмыляется Сабин, – перемещаться внутри этой Реальности тебе никто запретить не может, только нужно представлять конкретное место здесь, а не где-то в другом мире.

Тут мне совсем стало кисло. Ну надо же быть такой идиоткой. Если бы эта идея пришла мне в голову год назад, никаких проблем с экзаменом не было бы. А сейчас осталась неделя до сдачи, и я в самом начале пути, за неделю мне точно не научиться. Тут мой ангел-хранитель снова надевает свою хитрую улыбочку.

– Не волнуйся, – говорит, – у меня есть знакомый учитель, который тебя вмиг всему научит. И кстати, он практикует в урском мире, так что в базовой Реальности и минуты не пройдёт, вернёшься в это же время.

Стыдно признаться, но я, как ребёнок, бросилась ему на шею. Сабин обнял меня так осторожно, словно я хрустальная, а у самого сердце того и гляди из груди выскочит. Чего это он так разволновался? Может быть, им там, на небе-

сах не позволяют обниматься с подопечными? Хотя, чего это я? Сабин ведь никогда не утверждал, что он – ангел, просто хранитель и то бывший. Тогда почему он продолжает меня опекать? Как думаешь, дневничок? Может быть, я ему нравлюсь? Да нет, не может быть. Зачем такому крутому уру нужна безродная малолетка? Так, поигратъся, наверное. А жаль, он мне сразу понравился.

В общем, вытерла я слёзы, и мы отправились к Сабинову учителю. Место, я тебе доложу, просто потрясающее. Представь себе бескрайнее море изумрудных холмов от горизонта до горизонта, а сверху по синему небу плывут белоснежные облака. Так и кажется, что это не облака, а морская пена на гребешках зелёных волн. Мы с Сабинком спустились в ложбину между холмами, а там притулился такой маленький домик, сложенный из дикого камня. Вот интересно, откуда тут камень? На мили вокруг ни единой скалы. Что-то я опять туплю. Это же урский мир, тут домик мог оказаться сложенным и из изумрудов в тон к зелени холмов. На середине спуска мой ангел-хранитель вдруг останавливается и заявляет, что у него срочные дела образовались, а мне следует идти в дом одной, учитель меня уже ждёт. И не успела я возразить, как его уже и след простыл, растворился прямо в воздухе.

Если честно, мне стало не по себе, как-то всё это выглядело подозрительно, даже подумала, а не вернуться ли мне домой от греха подальше. Наверное, если бы Кайден меня

так не прокинул со своими обещаниями, я бы проявила-таки осторожность и слиняла оттуда, пока со мной не случилось чего похуже отчисления из Университета. Ну кто такой этот Сабин? В сущности, я его совсем не знаю. А вдруг он завёл меня в западню к монстру, который любит полакомиться молоденькими дурочками на ужин? Но ты же знаешь, дневничок, какая я упрямая, даже упёртая, раз уж решилась, то буду идти до конца. В общем, вломилась я в тот домик с решительностью берсерка, а там...

Не знаю, как себе представляют уют дневники, а вот я представляю его себе именно так. Тёмное дерево и белёные стены, голубые изразцы на кухонной печке, голубые подушечки на стульях и диване, камин с двумя креслами-качалками, и запах луговых трав кружит голову. Стою я в дверях и поверить не могу в эту волшебную сказку. А из кресла у камина поднимается мне навстречу такой забавный седобородый старикан в мантии до пола, ну чисто волшебник из этой самой сказки. Я сразу поняла, что он очень сильный ур. Никто не станет прикидываться стариком, когда может жить практически вечно, если ему есть хоть какое-то дело до остального человечества. Моему будущему учителю его внешний вид, судя по всему, был совершенно безразличен, зато я ему почему-то сразу понравилась, зря я мандражировала.

В первый вечер мы просто сидели у камина, беседовали и пили чай с травками. Потом я готовила ужин, и мы сно-

ва говорили. Сама не понимаю, почему я так разоткровенничалась с хозяином уютного домика, однако выложила я ему абсолютно всё, включая свои обидки на Кайдена. Когда учитель предложил мне остаться ночевать, у меня даже мысли не возникло об опасности, очень уж мне хотелось посмотреть на свою спальню. Мы поднялись на второй этаж, ступеньки поскрипывали, словно пели колыбельную. Там, наверху был довольно просторный зал, устеленный толстым зелёным ковром, с горкой подушек и парочкой низеньких столиков. Видимо, именно тут учитель проводит свои уроки. А ещё там были три двери. Средняя оказалась моей спальней. Нет, не так. За дверью оказалась МОЯ спальня. Не точно такая, как у меня дома, а именно она самая, с царапиной на косяке двери, с пятном на ковре от пролитого сока, с плюшевым зайцем на подушке. С моим любимым зайцем Сопелкой.

А знаешь, что лежало на столе? Там лежал ты, дневничок. Как тебе такое? В общем, ничего удивительного, что я взялась за перо. Спокойной ночи, дневник. Завтра мой первый учебный день в сказке.

Глава 5

Волосы цвета старинной бронзы спускались тугими локонами почти до талии. В желтоватом свете ламп они действительно бликовали красным и оранжевым, но всё же рыженькой назвать девушку было никак нельзя. Тут Радвила явно передёргивал. А раньше они действительно всегда были рыженькие, жёны Магистров Ордена. Впрочем, про своих матерей Ульрих ничего толком не знал, они умирали раньше, чем малыш обретал способность запоминать, а Генрих никогда не делился со своим сыном подробностями о его матерях. Точно так же поступал и Ульрих, когда приходила его очередь играть роль Магистра.

Зато сам он всегда женился на девушках с волосами цвета пламени. Их приводили к нему в дом, окружали заботой и вниманием, они купались в роскоши и неге. Красивые ухаживания, наряды и пышное венчание, а потом беременность и благополучные роды. Всегда рождался мальчик, которого называли Генрихом. А когда младенцу исполнялся год, жена начинала хворать и вскоре умирала, оставив малыша сиротой. Преемников Магистров неизменно растили воспитатели из братства.

Ульрих частенько задавал себе вопрос, каким образом Радвила умудряется обеспечить воплощение бывших друзей как сыновей поочерёдно друг у друга, причём именно в каче-

стве первенцев. Но промашек этот демон никогда не допускал. После смерти рыжей жены Магистрам дозволялось снова жениться, причём по собственному выбору, и даже нарожать ещё детей, однако процесс воспроизводства Магистров и, соответственно, носителей сознания Радвилы был отлажен как часы и не давал сбоев. Что же пошло не так в этот раз? Уж не перепутал ли могущественный подселенец Ульриха цвет волос его будущей супруги? Может быть, в мире Таласа уже не осталось свободных рыжеволосых женщин? Ведь для воплощения следующего Магистра требовалось именно независимое человеческое сознание, безвольная овца тут не годилась.

За века перевоплощений Магистром Ульрих привык относиться к своим первым рыжеволосым жёнам как к механизму воспроизводства, не более. Он привычно играл нежного влюблённого, но сердце его было закрыто на замок, ведь, как только девушка переступала порог этого дома, жить ей оставалось меньше двух лет. Не было никакого смысла рвать себе душу переживаниями, по крайней мере, эти два года неизменно становились лучшими в её жизни, уж об этом-то Ульрих мог позаботиться.

Нацепив на своё лицо приветливую улыбку, Магистр лёгкой походкой прошёл в гостиную, где у окна стояла будущая мать очередного Генриха. Девушка была так увлечена разглядыванием живописного вида, открывавшегося со второго этажа дома, что даже не услышала шагов хозяина. Поэтому,

когда спохватившись она всё-таки торопливо повернулась, Ульрих уже успел подойти практически вплотную к своей гостье. Длинные пушистые ресницы распахнулись, и он сразу же утонул в чёрном бездонном омуте её глаз. Ульрих стоял столбом и совершенно неприлично пялился на свою будущую невесту, со всей определённой осознанием, что пропал, что прочная ледяная скорлупа, в которую он привычно заключил своё сердце, принимая в своём доме очередную рыжеволосую жертву, разлетелась на тысячу осколков. Эта девушка была другая, совсем не похожая на его предыдущих жён.

Обычно, все они были романтичными милашками, эдакими беспечными мотыльками, бездумно порхающими с цветка на цветок. Блеск богатства и знатности манил эти наивные создания, как манит мотыльков пламя свечи, и, забыв об осторожность, они легкомысленно летели на огонь, так что конец их был вполне предсказуем и даже, наверное, заслужен. Но теперь всё было по-другому, чёрные глаза смотрели на Ульриха внимательно, изучающе. В её взгляде не было и намёка на восторженность или предвкушение счастья. Она ЗНАЛА.

– Нет, этого просто не может быть, – ум Магистра забился в немой истерике. – Радвила, какого чёрта здесь происходит?

– Ули, малыш, ты ведёшь себя как невежа, – снисходительно отозвался подселенец. – Если будешь продолжать в том же духе, то мне придётся занять твоё место.

Угроза возымела своё действие, Ульрих взял себя в руки и поспешно включил великосветского вельможу. Девушка с готовностью подыграла, и между будущими супругами завязалась лёгкая, непринуждённая беседа. Её звали Агнес, и в прошлом месяце ей исполнилось двадцать. Это тоже было странно, обычно жёны Ульриха были на пару лет моложе, совсем юные и неопытные, а в Агнес чувствовалась внутренняя сила и немалый житейский опыт. Оно и понятно, девушка уже была бакалавром психологии и продолжала учиться, причём в одном из лучших столичных университетов. А ещё она была дочерью того самого гуру, что сколотил интересное Радвилу просветительское общество. Собственно, это как нельзя лучше объясняло действия подселенца. Его желание поскорее подмять под себя последний оплот свободной человеческой мысли пересилил благоразумие в вопросе выбора невесты для Ульриха.

– Ты собираешься её использовать,– констатировал Магистр, когда первое свидание с будущей женой закончилось,– но как?

– Не забивай себе голову,– отмахнулся Радвила,– твоё дело – запудрить этой дамочке мозги так, чтобы она забыла про все свои убеждения. Она умница, это сразу видно, так что проявляй осторожность, но и тянуть с венчанием не стоит. И кстати, если тебя пригласят на лекцию в Просвещение, не отказывайся.

– Ты из Магистра решил сделать шпиона? – удивился Уль-

рих. – Раньше ты на такой риск не шёл. А вдруг это ловушка? Вдруг члены общества тебя раскусили?

– Ты боишься, Магистр? – иронично заметил подселенец. – Не дрейфь, я тебя защищу.

От Ульриха не укрылось, что ответы Радвилы были откровенно уклончивыми, он явно пытался избежать обстоятельного обсуждения своей новой авантюры. Это могло означать только одно, на этот раз жертвой должен был стать сам Магистр, и захватчик не желал раньше времени его волновать. Первая паническая реакция схлынула практически мгновенно, уступив место облегчению. Да-да, Ульрих к собственному удивлению почувствовал облегчение при мысли, что его существование скоро оборвётся. Он так устал от этого ментального рабства, что смерть начала казаться ему пределом мечтаний. Вот только разыгрывать из себя доверчивого простачка ему было противно и скучно. Гораздо проще, когда между пленником и захватчиком нет тайн.

– Ты привёл в мой дом Агнес вовсе не для того, чтобы воплотить для себя следующего носителя, так? – Ульрих постарался, чтобы в его послании не содержалось ни капли сомнения. – Этой девушке не придётся разделить судьбу её предшественниц, на этот раз всё закончится быстрее.

Некоторое время Радвила молчал, видимо, обдумывал, стоит ли откровенничать со своей жертвой, прикидывал, не станет ли Ульрих бузить, если узнает правду. Однако, вспомнив их недавний разговор, всё же решился раскрыть карты.

– Да, мне больше не понадобится носитель в мире Таласа, – ничуть не смущаясь наконец провозгласил захватчик, – жатва случится в твоё правление, Ули. Ты разве не рад, что всё наконец закончится?

– Значит, ты решил, что меня следует оставить в покое и позволить мне сгинуть вместе со всем нашим миром, – прокомментировал Магистр. – Что ж, я тебе за это благодарен. И как это будет?

– Зачем тебе знать? – отозвался подселенец после небольшой паузы. – Только лишние переживания. В мире Таласа скопилось столько смертоносных игрушек, что от богатства выбора глаза разбегаются. Можно задействовать их все, как вариант, чтобы уж точно от населения этой Реальности осталось только воспоминание. А тебя я убью лично, так сказать, в знак признательности за службу. Устраивает такой ответ?

– Чего же ты ждёшь? – удивился Ульрих. – Чем тебе может помешать оставшаяся горстка осознанных жителей?

Радвила молчал, ему вовсе не хотелось делиться со своим пленником подробностями своего плана, но реакция Ульриха на известие о скорой смерти была настолько безразличной, что ждать от него каких-то эмоциональных эксцессов не стоило. Так почему бы и не поделиться? Всё равно тот унесёт этот нехитрый секрет в могилу.

– В каждой альтернативной Реальности действует механизм перевоплощения, – начал он издали. – Ему подчинены все люди, умершие в данной Реальности, и никто не име-

ет власти над этими сознаниями, кроме Демиурга этого мира. Зато над бессознательными овцами Демиург не властен.

– Но эти овцы обладают таким же запасом психической энергии, как и свободные сознания, – в тон ему прокомментировал Ульрих.

– А ты не такой простак, каким прикидываешься, Ули, – в интонациях Радвилы промелькнуло невольное уважение.

– А с чего ты взял, что имеешь право на эту энергию? – продолжал допрашивать своего подселенца пленник.

– С того, что они принадлежат мне, как неодушевлённые вещи, – Радвила весело расхохотался. – Они же добровольно отказались от своих прав в мою пользу.

– Не понимаю, причём тут ты? – Ульрих начал закипать. – Да, ты обманом заставляешь людей уступить свою свободу воли различным обществам, религиозным структурам, конкретным персоналиям, в конце концов. Но ты-то как связан с этими структурами?

– Какой же ты, в сущности, смешной человек, Ули, – усмехнулся подселенец. – Неужели ты станешь утверждать, что цветок, растущий в тени дерева, принадлежит дереву? Нет, мой милый, он принадлежит садовнику. Все структуры, управляющие этой Реальностью, принадлежат Ордену, а Орден принадлежит мне.

– И как же ты собираешься воспользоваться своим правом собственника? – Ульриху это объяснение показалось слегка надуманным. Ну как одно, пусть даже очень могущественное

сознание может владеть жителями целого мира?

– Это вопрос чисто технический, – ничуть не смущаясь отозвался собственник. – В посмертии функционирует специальный эгрегор, консолидирующий всю эгрегориальную сеть проявленной Реальности. Так что после смерти все овцы отправятся напрямиком туда, минуя структуры Демиурга, которые предназначены исключительно для людей.

От такого объяснения Ульрих буквально онемел. Картинка вырисовывалась жутковатая. Если всё сказанное Радвиллой было правдой, то жителям Таласа грозила не просто смерть, а полное небытие. Теперь понятно, почему этот урод так упорно доводил его мир до состояния скотного двора. От жадности, не иначе. Чем больше жителей будут превращены в безвольную скотину, тем больше энергии получит собственник. А что же случится с теми немногими, что сохранят свою свободу на момент жатвы? Им ведь просто негде будет воплощаться, когда мир Таласа будет разрушен. Они, что же, так и зависнут в Реальности посмертия? Неясно, что лучше, вернее, что хуже. И кстати, какой смысл выдаивать целый мир досуха? Ему разве уже не нужна станет дармовая энергия после гибели Таласа?

– А что потом? – ошарашенно спросил Ульрих. – Ты уберёшься в свой мир?

Вместо ответа Радвила истерично расхохотался. Веселился он довольно долго, и всё это время сознание Ульриха металось в поисках выхода, которого просто не было.

– Ты хоть знаешь, сколько альтернативных Реальностей содержит в себе этот древний мир? – отсмеявшись заявил пришелец. – Многие тысячи. На мой век точно хватит. К тому же у этого мира есть Демиург, в обязанности которого входит восстановление разрушенных Реальностей, так что очень скоро я смогу сюда вернуться, и игра начнётся сначала, пока не наступит время новой жатвы.

– Талас – не первый разрушенный тобой мир, – догадался Ульрих. – А почему Демиург до сих пор не вмешался? Ему, что же, наплевать на свой мир? Почему он тебя ещё не придавил, как клопа?

– Какой ты, однако, воинственный, Ули, – пожурил своего пленника Радвила. – Я ведь не нарушаю никаких законов, за что же меня карать? К тому же в твоём теле я для Демиурга ничем не отличаюсь от остальных жителей этой Реальности. А Талас, кстати, будет разрушен руками этих самых жителей, я лично в этом благородном предприятии участвовать не собираюсь.

Ульриху стало совсем тошно, ведь он сам, своими руками, помогал осуществлению этого подлого разрушительного плана. Впрочем, если бы у них с Генрихом в своё время хватило ума не ввязываться в авантюру с вызовом «великого духа», обязательно нашлись бы другие, такие же безмозглые и отчаянные любители лёгкой жизни. Видимо, желание получить всё сразу и без труда лежит в самой основе человеческого существа, и кто-то хладнокровно пользуется

этим свойством человеческой натуры. Но что же можно противопоставить такому скрытому и коварному порабощению? Только упереться рогом и бороться до конца, каким бы он ни был. А многие ли готовы к такой борьбе, особенно, если капитуляция обещает немалые материальные выгоды? Сам-то Великий Магистр отчего-то не спешит упираться даже сейчас, когда кошмарная перспектива обрела вполне законченные очертания.

Почему? Что ему терять? Жизнь? Вот в этом и разгадка его пассивности. Жизнь давно перестала быть для Ульриха ценностью, он уже забыл, как можно радоваться этому божественному дару. Проявленное существование раз за разом обращалось для добровольного пленника изошрённой пыткой, от которой было только одно избавление – смерть. Впрочем, даже смерть была лишь временной передышкой, после которой приходил кошмар очередного воплощения. Поначалу Ульрих, конечно, пытался вырваться, сопротивлялся, отказывался подчиняться, но это длилось недолго, Радвила привычно подавлял дилетантское сопротивление своего носителя, и становилось только хуже. Проще было не дёргаться и терпеть. Так человек, страдающий мигренью, старается не вертеть головой, чтобы не усугубить и без того тяжёлое положение.

– Интересно, а если бы я с самого начала знал всю правду про деятельность Радвилы, хватило бы у меня мужества упереться рогом? – тоскливо подумал Ульрих. – А ради чего,

собственно? Ради спасения человечества? Увы, нужно честно признаться, что до абстрактного человечества мне нет дела, а близких людей, ради которых стоило бы бороться, у меня не было уже много воплощений. Мне не для кого жить и не за кого умирать. Да, нас с Генрихом Радвила превратил в безвольную скотину первыми, хотя формально мы и обладаем свободой воли. Отчего-то этому захватчику нужен носитель-человек, поэтому он и придумал такой сложный ритуал подчинения, который накладывает на носителя определённые обязательства, но не требует отказа от своих человеческих прав.

– Так ты готов помочь мне закончить этот проект, Магистр? – прервал невесёлые размышления своего носителя Радвила.

– Готов ли я помочь добить свой мир? – задал себе вопрос Ульрих. – А с какой стати мне бороться, если люди сами от себя отказались? Если им наплевать на самих себя, кто я такой, чтобы их спасать?

– Да, я с тобой до конца, – подтвердил он мрачно, – если ты пообещаешь, что я никогда об этом не вспомню, когда всё закончится.

– Даже не сомневайся, – усмехнулся Радвила, – некому будет вспоминать.

Рыжеволосый секретарь выскользнул из кабинета Ксантипы и подобоострастно поклонился.

– У Магистра сейчас посетитель,– промурлыкал рыжий,– он просит Вас, мастер Кайден, немного подождать.

Кайден скрипнул зубами и отошёл к окну. Торчать в приёмной сейчас было совершенно не ко времени. Ему следовало бы вернуться домой как можно скорее, там его ждала ничего не понимающая девчужка, которой он пообещал помощь с трансгрессией, как в своё время сделал его отец для него самого. Но по какой-то причине проход в эту Реальность для Рэй оказался закрыт, и бедняжка осталась в замке, когда сам Кайден переместился в приёмную. Осознав свою неудачу, он хотел было вернуться, но, как назло, наткнулся на секретаря, пришлось изображать дежурный визит, якобы с отчётом. И вот вам, пожалуйста, велено ждать.

Увы, игнорировать указания Магистра было себе дороже, уж лучше потом загладить свою вину перед Рэй каким-нибудь милым подарком. Надо же, как вовремя она оказалась на пути его кортежа, словно специально судьба подбросила погрузившемуся в чёрную меланхолию отвергнутому жениху такую симпатичную отдушину. Стоило Кайдену немного потрепаться ни о чём со своей нечаянной попутчицей, как его траурное настроение словно бы растаяло, осталась только лёгкая печаль. Нужно будет обязательно отблагодарить малышку за её тактичное поведение и сочувствие.

Дверь кабинета распахнулась, и рыжий секретарь пригласил Кайдена к Магистру. Отчёт о расправе над тремя пришельцами занял не больше пяти минут. Ксантипа задал пару

уточняющих вопросов и похвалил своего верного помощника за службу. Можно было бы уходить, однако у помощника на этот раз нашлась пара собственных вопросов к Магистру.

– Они ведь снова вернуться,– уверенно заявил он. – Какой смысл был их убивать? Проекцию сознания вообще нельзя убить, я прав?

– Кто тебе сказал про проекцию? – удивился магистр. – Ты кого-то встретил?

Кайден внимательно посмотрел в глаза Ксантипе и усмехнулся. Это было вполне в духе Ордена держать своих исполнителей в неведении относительно деталей и целей миссии, однако Кайден служил Ордену не за деньги, а по доброй воле и поэтому имел основания рассчитывать на более доверительное отношение.

– Да, тот, кто поделился с тобой этой информацией, не соврал,– неохотно подтвердил его слова Ксантипа. – Это пришельцы из мира с большей мерностью, и окончательно убить их можно только в их родном мире. Но тебе туда не попасть, остаётся только уничтожать проекции. Так кто же это был?

Кайден не стал запираться и рассказал Магистру о встрече с двумя странными типами, которые тоже охотились за пришельцами.

– Я откуда-то их знаю,– задумчиво проговорил он. – И ещё там был меч. Меня к нему притянуло, словно магнитом, я взгляда от него не мог отвести. Что это за колдовство?

Ксантипа попросил описать встреченных мужчин, и Кай-

ден принялся живописать своих конкурентов в охоте на пришельцев. Когда он дошёл до синеглазого грубияна, Магистр резко вскинул голову и поднял руку, останавливая поток слов своего помощника.

– Синие глаза, смуглый, чёрные жёсткие кудри, плотного телосложения, неопределённого возраста от тридцати до сорока, – начал перечислять он.

Когда Кайден удивлённо кивнул, Магистр замолчал и прикрыл глаза. Он молчал целую минуту, и Кайден не посмел прервать его мысли.

– Закрой глаза, мой мальчик, – наконец проговорил Ксантипа задумчиво, – я передам тебе один образ. Приглядишься внимательно, не этого ли человека ты встретил.

Кайден послушно зажмурился, но перед его внутренним взором возник образ вовсе не синеглазого брюнета, а совсем другой синеглазки, образ, который, словно волшебное видение, выплыл из толпы гостей на недавней помолвке. Синие глаза Кору сияли ярче сапфиров, что украшали её ушки и шею, на её губах играла отрешённая улыбка, как будто она слушала тихую музыку в своей душе среди шума и праздничной толкотни. При виде этого эфемерного создания сердце жениха пропустило пару тактов, а затем понеслось вскачь. На какое-то время он вдруг позабыл, что нужно дышать, и перед его глазами всё поплыло. Это и привело Кайдена в чувство, потому что он ни за что не хотел потерять синеглазую незнакомку из виду.

Весь вечер и последующую ночь Кайден боролся со своими неуместными и ненужными чувствами к сестре соседа, а когда под утро понял, что проиграл вчистую, расторг помолвку и отправился свататься. Он был настолько погружен в свои мысли о Коре, что в первый момент даже не обратил внимания на некоторые странности в доме Зандера, например, на то, что поместье не охраняется, слуг нигде не видно, а встречать непрошенных гостей вышел на крыльцо сам хозяин. Возможно, главе клана Заккари даже показалось, что это было проявлением особого почтения к его особе. Вот ведь, святая простота. Его даже не встревожило, когда Зандер попросил гвардейцев подождать на лужайке, а те согласились без единого возражения.

Вдвоём они поднимались по лестнице на второй этаж, и эхо их шагов гулко разносилось по пустому дому. Только тогда Кайден впервые обратил внимание на отсутствие слуг, но спрашивать не стал, не до того было. В библиотеке, куда привёл его хозяин, обнаружились два мягких кресла и столик, на котором красовались бутылка очень дорогого соренто и два пузатых бокала. Крепкие напитки в середине дня были довольно странным угощением, но Кайден проигнорировал нарушение этикета. К тому же такой соренто можно было попробовать разве что на приёме у наместника, бутылка стояла как небольшое поместье. Зандер явно готовился к этой встрече.

Сделав большой глоток драгоценного напитка для храб-

рости, Кайден принялся излагать хозяину поместья свою заранее подготовленную речь и практически сразу понял, что что-то не так. Зандер молча тянул соренто из своего бокала с таким видом, словно пылкая речь непрошенного гостя была просто птичьей трелью за окном. На его лице не отражались никакие эмоции, с более нейтральным выражением, наверное, можно было бы только спать. Кандидат в женихи начал сбиваться с ритма, заикаться и наконец замолк.

– Что тебя не устраивает? – спросил он в полном недоумении и уже без прежнего пафоса. – Я не гожусь для твоей сестры?

– Прости, Кайден, – хозяин поместья виновато улыбнулся, – Кора мне не сестра, она моя женщина. Мы не ожидали, что у нашего невинного обмана могут быть такие последствия.

Это было подобно пощёчине, на самоуверенного главу клана Заккари было жалко смотреть, он застыл в ступоре, пытаясь переварить услышанное. Зандер его не торопил, только подлил соренто в его бокал.

– Зачем? – наконец выдавил из себя Кайден. – Какой был смысл врать? Она твоя любовница?

– Можно и так сказать, – легко согласился Зандер, – хотя наша связь гораздо больше, чем просто интим. Но да, официально Кора мне не жена, поэтому мы и придумали эту историю про брата и сестру, чтобы огородить её от неуважительного отношения. Это было глупо, теперь я понимаю, но

тогда показалось удобной во всех отношениях версией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.